

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

Лабиринт Дилогия

ЭКСМО

Лабиринт

Алексей Калугин

Лабиринт

«ЭКСМО»

1996

Калугин А. А.

Лабиринт / А. А. Калугин — «Эксмо», 1996 — (Лабиринт)

Работая на недавно открытой планете, люди случайно находят вход в Лабиринт – первооснову и модель Вселенной. Полагая, что это искусственное сооружение неизвестной цивилизации, земляне пытаются его изучать. Последствия их действий трагичны: Лабиринт создает агрессивные биокопии для уничтожения исследователей. Объектом внимания Лабиринта становится и сама Земля – на ней воцаряется хаос. Люди пытаются противостоять страшным чудовищам – посланцам Лабиринта, но силы слишком неравны... Люди оказываются перед выбором: войти в Неизвестное или погибнуть.

© Калугин А. А., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	48
Часть 2	52
Глава 1	52
Глава 2	57
Глава 3	62
Глава 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алексей Калугин

Лабиринт

Часть I

Лабиринт

Глава 1

Мельница зеркал

Небольшой шестиколесный вездеход остановился, упруго качнувшись на рессорах, рядом с бетонной вешкой. Столб высотой чуть больше метра был единственным ориентиром, за который мог зацепиться взгляд, среди завалов покрытых трещинами и выбоинами валунов, громоздящихся во все стороны, насколько хватало глаз.

Киванов спустился с открытой водительской площадки вездехода и подошел к столбу. Рядом с ним чернела узкая дыра – провал, уходящий отвесно вниз, под землю. Это и был вход в Лабиринт. Обнаружил его Качетрян, да и то лишь потому, что в дыру провалилось колесо вездехода, на котором он совершал дежурный объезд прилегающих к станции окрестностей. Он же догадался поставить рядом с входом бетонную вешку. Искать его заново было бы безнадежным делом: пейзаж на сотни километров вокруг был на редкость однообразным и унылым, выдержанным в ровных красно-коричневых тонах.

Молодцы из Совета безопасности, как всегда первыми обследовавшие новую планету, обозначенную буквенно-цифровым кодом РХ-183, два месяца обнюхивали здесь каждый камень и в конце концов присвоили планете индекс «пятнадцать», означавший, что человек мог чувствовать себя здесь в большей безопасности, чем на пляже Малибу. И после этого первая комплексная экспедиция, прибывшая с тем, чтобы провести формальное описание планеты, на вторую неделю своей не слишком активной деятельности находит Лабиринт!

Конечно, на все воля случая. Вездеход Качетряна мог пройти в нескольких сантиметрах от входа в Лабиринт, а самому Карену, основной специальностью которого была микробиология, собственно незачем было лезть в дыру, оказавшуюся у него на пути. Но какова бы ни была причина, сподвигнувшая Качетряна заняться спелеологией, – Лабиринт был обнаружен. Руководитель экспедиции Эмерсон Маклайн сообщил о находке на Землю, после чего герои СБ, присвоившие планете «пятнашку», получили от своего начальства все, что полагается в таких случаях. И поделом, – с таким артефактом, как Лабиринт, индекс планеты повышался, как минимум, до «девяти».

Через три дня отряд ошпаренных эсбэшников примчится на планету, чтобы оккупировать Лабиринт. Но до тех пор Лабиринт оставался безраздельной вотчиной археолога экспедиции, которому прежде нечего было делать на безжизненной планете.

Борис Киванов сел на край, свесив ноги в провал. Найдя ногой ступень раскладной лестницы, он начал спускаться. Какое-то время спина упиралась в противоположную стену квадратной шахты. Ближе к низу стены колодца расходились в стороны. Отсчитав тридцать две ступени, Киванов прыгнул на ровную круглую площадку, с которой брали начало три главных хода Лабиринта.

Защелкнув на нижней скобе лестницы карабин с тонким пластиковым тросом, тянувшимся из катушки, закрепленной у него на поясе, Борис открыл планшет с планом Лабиринта, который пытался составить, и шагнул в левый проход. Тотчас же пространство Лабиринта оза-

рилось неестественно белым, матовым светом. Свет шел одновременно со всех сторон – со стен, с пола, с потолка – и перемещался вместе с идущим по Лабиринту человеком, обгоняя его на метр и отставая ровно на столько же. Участниками экспедиции было выдвинуто несколько гипотез, призванных объяснить природу загадочного свечения, однако ни одна из них не нашла подтверждения.

Коридоры Лабиринта имели квадратное сечение. Потолок был достаточно высок, чтобы человек мог идти по проходу не пригибая головы. Любой из коридоров, каждый из которых был неотличим от других, мог внезапно разделиться на два-три новых прохода, которые через несколько сотен метров могли пересечься в одном месте или же, навсегда разойдясь в разные стороны, затеряться в безднах Лабиринта. Иногда проход заканчивался тупиком или колодцем, ведущим на другой уровень. В довершение всего Лабиринт находился в постоянном, незаметном для глаза движении. Там, где вчера на плане был отмечен тупик, на следующий день мог возникнуть новый проход.

С Качетряном как-то раз случилась и вовсе фантастическая история. Войдя в правый проход и побродив по Лабиринту около получаса, он, неожиданно для себя, вышел на ту же самую площадку у входа, но из центрального прохода. Чтобы не проделывать обратно тот же самый путь, Карен отстегнул карабин от скобы и поставил катушку в режим сматывания троса. Катушка дернулась, трос натянулся, но не двинулся с места. Бросить трос было жалко, и Качетрян пошел назад, постепенно сматывая трос на катушку. Не пройдя и ста метров, он уткнулся в глухую стену, из самого центра которой торчал его трос. Когда же на другой день Киванов и Палмер спустились в Лабиринт, они нашли катушку с намотанным на нее тросом на первой площадке под лестницей.

Киванов шел по Лабиринту, сверяясь время от времени с планом и внося в него необходимые изменения. Смысла в этом особого не было, поскольку через день-другой Лабиринт, скорее всего, вновь до неузнаваемости изменит структуру своего внутреннего пространства. Но нужно же было чем-то заняться археологу экспедиции. А в коридорах Лабиринта вся археология сводилась к элементарной геометрии. Вне всяких сомнений, Лабиринт имел искусственное происхождение. Но за все время блужданий по коридорам ни один из добровольных исследователей не обнаружил никаких следов его создателей. Как будто, уходя из Лабиринта, хозяева все тщательно за собой прибрали, подмели, вымыли потолок и стены, вынесли мусор и вот только свет отключить забыли.

Пол, стены и потолок Лабиринта были покрыты каким-то необыкновенно твердым полупрозрачным веществом, внешне похожим на расплавленное стекло. Игорь Штрайх попытался отколоть кусочек покрытия для анализа, но ни один инструмент не смог оставить на нем даже царапины. Иво Кийск предложил использовать для этой цели плазменный резак. По счастью, Кийск направил резак в стену не под прямым углом, а Штрайх в это время стоял у него за спиной. Сгусток огня ударил в стену и, не оставив на ней никакого следа, отлетел к противоположной стене. И так, отражаясь от одной стены к другой, он заплескал по коридору и исчез в глубинах Лабиринта.

Киванов остановился. В том месте, где в соответствии с планом проход должен был раздваиваться, находился тупик с колодцем. Борис закрепил на стене вакуумный держатель и бросил вниз моток тонкой проволочной лестницы. Колодец был глубиной около трех метров. Когда Борис начал спускаться, стены колодца осветились так же, как и стены проходов. Светящийся колодец Борис встретил впервые, и никто прежде о таком не рассказывал.

На дне колодца был только один проход, длинный и прямой. Пройдя по нему, Киванов оказался на пороге просторного зала треугольной формы, с высоким плоским потолком. Борис вошел в зал со стороны одного из углов, и тотчас же все плоскости в нем осветились.

Других проходов в стенах треугольника не было. В центре стоял куб, сделанный из того же материала, что и весь Лабиринт, только цвет его был непроницаемо-черный. С одной сто-

роны на нем имелась глубокая прямоугольная выемка, делавшая его похожим на грубо вырубленный в каменном монолите престол.

Киванов сделал несколько шагов в сторону куба, но, не дойдя до него, замер на месте и прислушался. Его поразила неестественная тишина, царившая в помещении. В коридорах Лабиринта тоже не было никаких посторонних звуков, но здесь Борис не слышал даже собственных шагов. Воздух казался осязаемо упругим, и с каждой минутой он как будто становился все более плотным.

Подцепив пальцами, Борис оттянул воротник куртки. Впервые за все время прогулок по Лабиринту ему сделалось не по себе. Представив всю ту огромную массу породы, которая нависала над ним, подобно гигантскому поршню, готовому упасть и раздавить, он словно почувствовал всю его огромную тяжесть на своих плечах. По позвоночнику заскользили холодные щупальца инстинктивного, не поддающегося контролю страха. Зябко передернув плечами, Борис вдруг подумал, что, войдя в Лабиринт, люди вторглись в пределы неведомого, неподвластного их разуму. Они привыкли считать себя властелинами Вселенной, на этот раз, переоценив свои силы и возможности, совершили ужасную, быть может, непоправимую ошибку.

Отгоняя странные, как будто чужие, мысли, Киванов тряхнул головой. Чтобы окончательно развеять наваждение, он заставил себя улыбнуться и, хлопнув в ладоши, громко произнес:

– Эй, хозяйева, где вы?

Звук получился глухим, как будто прошел через толстый слой ваты.

И в тот же миг произошло нечто невообразимое: треугольный зал начал медленно вращаться вокруг своего центра. На стенах появились прямые вертикальные трещины, выделяющие ровные прямоугольные секции. Мгновенно, одним неуловимым для глаза движением, стены распались. Развернув скрытые внутри них створки, секции превратились в треугольные зеркальные призмы, вращающиеся каждая вокруг своей вертикальной оси. Ускоряя вращение, они заполнили собой помещение, так что уже не было видно пустых провалов на месте стен. Все происходило в жуткой, противоестественной, давящей на уши тишине, – не было слышно ни звуков работающих механизмов, ни шороха трущихся поверхностей.

Киванов оказался прижатым к расположенному в центре зала кубу. Судорожно ухватившись рукой за трос, он испуганно оглядывался по сторонам, но везде видел только свое, разное в десятках копий, растерянное, ничего не понимающее лицо. Лицо появлялось, и исчезало, и снова появлялось; оно дробилось на части, ломалось, множилось, отражаясь в нескольких зеркалах одновременно, вытягивалось, кривилось, скалило зубы, становилось неузнаваемо уродливым.

Перебирая руками трос, Киванов попытался выбраться в коридор, через который попал в треугольный зал. Он и представить себе не мог, что ходить среди множества вращающихся зеркал настолько сложно; даже держась за путеводную нить, он никак не мог выбрать верное направление. Казалось, трос опутывает все зеркала и, не обойдя каждое из них, невозможно покинуть помещение. С каждым шагом, – с каждым новым зеркалом, – нарастали раздражение и злость. Обращенные на неизвестных, устроивших этот аттракцион, они выплескивались на отражения, так же бессмысленно и тупо, как и их прототип, ищущие выход из бесконечной череды зеркальных плоскостей. Киванов бил по зеркалам кулаками, толкал их ногами, наваливался всем телом, пытаясь сбить с оси или хотя бы остановить вращение, – все было тщетно.

Борис почувствовал себя загнанным в дьявольски хитроумную ловушку. Но кем? С какой целью? Он выпустил из руки трос и бессмысленно метался из стороны в сторону, пытаясь наугад найти выход. Он спотыкался, падал на четвереньки, полз меж наплывающих на него зеркал, а навстречу ему ползло отталкивающее, отвратительное человекоподобное существо со стоящими дыбом волосами, выпученными от страха глазами и оскаленными в животной злобе зубами. Киванов переворачивался на спину и бил, бил каблуками в морду этого чудовища, а

потом поднимался на ноги и, шатаясь, шаря по сторонам руками, как слепой, снова куда-то шел. Но безумная мельница зеркал, дробя отражения, вновь и вновь выталкивала его к центру зала.

Оказавшись в очередной раз притиснутым к кубу-креслу, Борис взобрался на него, прижался мокрой спиной к холодной плоской поверхности и, чтобы не видеть больше мелькающих вокруг отражений, закрыл глаза.

– Надо подождать, – успокаивая себя, шепотом произнес он. – Должно же все это когда-нибудь кончиться...

...Солнце, пройдя одну треть своего пути по небосводу, грело тепло и ласково. Жара наступит позднее. Волны, медленно и мерно набегая на песчаный пляж, растекались белой пеной.

Киванов стоял за обломком скалы, зарывающимся острым краем в буруны прибоя. Осторожно выглядывая из-за камня, он наблюдал за человеком, лежавшим на песке. Человек, как и сам Киванов, был совершенно голым. Он лежал, вытянувшись во весь рост, подложив под голову руки. Казалось, он спит, впитывая всем телом тепло солнечного света.

Киванов вышел из укрытия, подошел к лежавшему и сел рядом с ним на теплый песок.

Человек был точной копией Киванова. Борису это показалось странным, но не более того.

– Привет, – сказал он негромко.

Спавший открыл глаза и пристально посмотрел на Киванова. Его, похоже, тоже несколько не удивило их сходство.

– Привет, – ответил он. – А я-то думал, я здесь один.

– Я тоже так думал, пока не увидел тебя.

Некоторое время они оба молчали.

Человек приподнялся на локте, потом сел, набрал полную пригоршню песка и начал тонкой струйкой выпускать его. Тысячи песчинок, только что бывшие у него в руке, падали и исчезали среди бесчисленного множества подобных им.

– Как все они похожи...

– Кто? – не понял Киванов.

– Песчинки. Ты можешь отличить одну от другой?

Киванов неопределенно пожал плечами: ему не нравился беспредметный разговор.

Двойник отряхнул ладонь о бедро.

– Ты давно здесь? – спросил он.

– Вторую неделю.

– Странно. Остров не такой уж большой, мы могли бы встретиться раньше. Наверное, так было надо.

– Что было надо?

– Чтобы мы встретились именно сегодня.

– Кому?

– Кому-то, кто все это устроил. – В голосе двойника звякнуло раздражение. – Что ты пристал? Я знаю не больше твоего...

...Первым, что почувствовал Киванов, придя в себя, была страшная головная боль. Боль давила на затылок и пульсировала в висках. Казалось, что голова до предела надута воздухом и вот-вот лопнет.

Проведя ладонью по влажному холодному лбу, Борис поднялся на ноги.

За то время, что он спал или находился в беспамятстве, помещение приняло свой первоначальный вид равнобедренного треугольника. Стены светились все тем же ровным матовым светом без теней. Проход, через который Борис вошел в зал, тоже был на своем месте, в углу. И только желтый пластиковый трос, тянувшийся из катушки на поясе, прежде чем уйти в проход, извивался по всему залу причудливыми спиралями и кольцами.

Киванов подошел к стене, поводил по ней рукой, постучал костяшками пальцев. На гладкой стекловидной поверхности не было заметно ни одной щели или даже царапины. Уж не привиделся ли ему весь этот безумный аттракцион с вращающимися зеркалами?

Борис взглянул на часы. Было десять минут пятого, – он находился в Лабиринте уже около пяти часов.

Киванов открыл планшет и отметил на плане место расположения треугольного зала. Перебросив планшет через плечо, он поставил катушку в режим сматывания и направился к выходу.

По мере того как Борис все дальше уходил от загадочного треугольного зала, мучавшая его головная боль слабела и совсем утихла к тому времени, когда он выбрался из Лабиринта.

Вездехода на месте не было.

Если это была чья-то шутка, то отменно глупая. Без вездехода до станции не меньше часа ходьбы по каменным завалам. Но как бы там ни было, Киванову теперь предстояло добираться до дома пешком.

Тому, кто никогда не ходил среди нагромождения камней, трудно даже представить себе, насколько это сложная и серьезная задача. Все внимание должно быть направлено на то, чтобы не наступить на шатающийся камень и не угодить ногой в расщелину. Один неверный шаг – и можно оказаться на земле с растяжением связок. И это еще, если повезет.

Если по пути Борис еще пытался размышлять о том, что произошло в Лабиринте, то на подходе к станции все его мысли были только о еде и отдыхе. И все же он сделал крюк, чтобы заглянуть в ангар и убедиться в том, что все три вездехода, включая и тот, что был у него угнан, стоят на парковочной площадке.

Глава 2

Сомнения

Станция представляла собой вариант простейшей компоновки стандартных строительных модулей для инопланетных экспедиций: три полусферы, соединенные в треугольник крытыми переходами. В первом корпусе располагались жилые комнаты и бытовые помещения, во втором – лаборатории, рабочие кабинеты, блок дальней связи и главный пульт управления станцией, в третьем – транспортный ангар, энергоблок, складские и подсобные помещения.

В столовой, куда первым делом наведился Борис, не было никого, кроме дежурного по кухне Качетряна. Карен сидел в дальнем углу за столиком, наряженный в белый халат и высокий накрахмаленный поварской колпак, который очень любил и, в отличие от других, в свое дежурство непременно надевал. Уныло подперев голову рукой, он без всякого интереса листал какой-то толстый журнал. Заметив вошедшего в столовую Киванова, он, не отрывая взгляда от страниц, монотонно забубнил:

– Ром, виски, бренди, водка, пепси, лимонад, квас?..

– Обед и ужин на одного, – сделал свой выбор Киванов.

Качетрян поднял голову для того, чтобы смерить Бориса оценивающим взглядом.

– Осилишь?

– Постараюсь, – ответил Киванов.

Качетрян отложил журнал, не спеша поднялся на ноги и, напевая что-то себе под нос, скрылся за перегородкой. Через пару минут он вернулся, катя перед собой сервировочный столик.

– Принимай! – крикнул он и толкнул столик Киванову.

Киванов поймал столик и припарковал его возле стола, за которым собирался поесть.

Качетрян сел напротив него. Водрузив подбородок между ладоней, он с интересом наблюдал за тем, как из тарелок исчезает еда.

– Ну и аппетит у тебя, Боря, – задумчиво произнес он спустя какое-то время.

Киванов в ответ только кивнул и что-то невнятно промычал.

Почувствовав наконец, как теплая волна сытости разливается по всему организму, Киванов на минуту оторвался от еды.

– Карен, ты не знаешь, кому сегодня понадобился мой вездеход?

– Кроме тебя и Штрайха, со станции никто не выезжал, – ответил Качетрян.

– Интересно, – Киванов, приподняв бровь, откинулся на спинку стула. – Кто же у нас такой остроумный?

– А что случилось?

– Пока я был в Лабиринте, у меня угнали вездеход.

– Серьезно? – изобразил удивление Качетрян. – Почему ты ничего не сказал мне об этом час назад?

Киванов удивленно посмотрел на Качетряна.

– Я только что пришел на станцию. Тащился пешком по камням. Устал как черт.

Качетрян глядел на него с жалостью, может быть, еще и с сочувствием. Но вот понимания в его взгляде не было.

– Борис, – он снисходительно похлопал Киванова по руке, – в мое дежурство можешь есть хоть через каждые полчаса. И не надо для этого придумывать никаких оправданий. Если организм требует...

Киванов опустил вилку в тарелку.

– Что ты имеешь в виду?

– Историю про угнанный вездеход ты можешь рассказать кому угодно, только не мне, – мило улыбнулся Качетрян.

– Почему?

Качетрян сложил руки на столе и, подавшись вперед, доверительно посмотрел Борису в глаза:

– Потому что час назад я уже кормил тебя обедом.

Киванов задумчиво почесал подбородок.

– Ты ничего не путаешь? – на всякий случай спросил он. – Знаешь, Карен, – недовольно поморщился Киванов, – я жутко устал, и, наверное, поэтому твоя шутка до меня не доходит.

– Борис, я не шучу, – все так же серьезно смотрел на него Качетрян. – Я видел тебя здесь, в столовой, час назад.

Киванов весело и беззаботно закивал головой.

– Точно, – криво усмехнулся Киванов. – Это значит, что мне нужно забежать к Марте, чтобы она дала мне витаминку и уколола в попку средством для восстановления памяти.

Качетрян поднялся из-за стола, снял халат и колпак и аккуратно положил их на стул.

– Ты наелся? – спросил он, взглянув на Киванова сверху вниз.

– Да, спасибо. Вот только еще чайку выпью...

– Чайку выпьешь потом. – Качетрян тяжело вздохнул. – Пошли.

– Куда? – любопытствовал Киванов.

– Увидишь, – мрачно пообещал Качетрян.

– Карен, я устал и хочу отдохнуть... – попытался отказаться Борис.

Но Качетрян был непреклонен:

– Сначала во всем разберемся, а уж потом делай что хочешь.

Они вышли из столовой, по дугообразному коридору обогнули жилые комнаты и вошли в переход, ведущий к лабораторному корпусу. Пройдя по радиальному коридору, они остановились около двери командного отсека. Качетрян открыл дверь и жестом пригласил Киванова войти.

Пульт, состоявший из двенадцати похожих на металлические шкафы разъемных блоков, занимал почти весь отсек. Для операторов оставался лишь небольшой пятючок свободного пространства возле входа, на котором с трудом могли разместиться три человека. В режиме полной загрузки с главного командного пульта можно было контролировать работу всех автоматических систем станции. Но в настоящее время большинство датчиков на нем не горели, поскольку в условиях «пятнашки» была отключена вся дублирующая автоматика и автономные системы жизнеобеспечения каждого из корпусов.

Над клавиатурой главного компьютера станции колдовал Иво Кийск. Напевая что-то вполголоса напевая и отбивая ритм каблук ботинка, он был настолько увлечен своей работой, что даже не обернулся, когда позади него открылась дверь и в отсек вошли Качетрян с Кивановым. Стоя позади Кийска, они какое-то время молча изучали его квадратные плечи и массивный, коротко стриженный затылок. Наконец Качетряну надоело ждать.

– Кто дома? – спросил он, стукнув пару раз по крышке стола.

Кийск недовольно глянул на незваных гостей.

– Что, совсем нечем заняться?

Качетрян сделал успокаивающий жест рукой и, развернув стул, сел рядом с Кийском.

– Извини, Иво, мы буквально на пару минут. Пожалуйста, отнесись к тому, что я скажу, с предельной серьезностью, поскольку от твоего ответа может зависеть очень многое.

Качетрян сделал многозначительную паузу.

Кийск перевел взгляд с него на Киванова, гадая, от кого из двоих ожидать подвоха.

– Ну? – нетерпеливо произнес он.

Качетрян указал пальцем на Киванова:

– Когда и где ты видел в последний раз этого человека?

Кийск окинул Киванова изучающим взглядом, как будто впервые видел.

– Слушай, Карен, – недовольно скривился он, – мне твои хохмы...

– Иво, я прошу тебя ответить только на один вопрос, – решительно перебил его Качетрян. – Когда и где ты видел в последний раз Бориса?

– Полтора часа назад в столовой, – с обреченным видом отрапортовал Кийск.

Лицо Киванова недоумевающе вытянулось.

– Ну что, доволен? – с чувством исполненного долга спросил Качетрян. – Надеюсь, ты не думаешь, что Иво решил подыграть мне?

Киванов опустил на стул.

– Я ничего не понимаю, – произнес он растерянно и беспомощно развел руками. – Я был в Лабиринте и всего полчаса назад вернулся на станцию.

– Да что случилось, ребята? – заволновался Кийск.

Качетрян, видя, что Киванов сейчас не в состоянии что-нибудь внятно объяснить, сам пересказал Кийску историю об угнанномезде.

Кийск слушал внимательно, не перебивая и не задавая никаких вопросов, и только время от времени посматривал на Киванова, который, подтверждая все сказанное Качетряном, обреченно качал головой.

– Ребята, вы точно не шутите? – спросил Кийск после того, как Качетрян закончил рассказ.

– Какие уж тут шутки! – возмущенно всплеснул руками Качетрян.

Кийск поднялся со стула.

– Пошли к Маклайну.

– А может быть, к Марте? – все же попытался пошутить Качетрян.

– Нет, к Маклайну. – Кийск жестко отсекал любую возможность обратить дело в шутку. – Если на станции объявились два Бориса, значит, один из них – чужой.

Глава 3

Ультиматум

Профессору Маклайну было пятьдесят пять лет. Это был человек ростом ниже среднего, с маленьким, узким, заостренным книзу лицом, на котором прятались небольшие тусклые глазки и, нависая над вялыми губами, вытягивался вперед и вниз длинный, острый нос. Где-то на середине носа сидела перекладина старомодных очков в тонкой металлической оправе, которые постоянно норовили сползти к самому кончику. Завершала картину розоватая блестящая лысина, отороченная венчиком рыжеватого цвета волос.

Маклайн представлял собой классический тип ученого: большой и заслуженный авторитет в своей области знаний и при этом совершенно ни на что не способный организатор. Он согласился возглавить экспедицию, только понадеявшись, что на планете с индексом «пятнадцать» в плане общего руководства от него будет требоваться гораздо меньше работы, чем в родной лаборатории, и он наконец-то сможет закончить свой фундаментальный труд. Название этой новой теоретической работы профессора Маклайна, относящейся к одной из областей космогонии, было настолько длинным и труднопроизносимым, что проговорить его от начала до конца без запинки мог только сам Маклайн. Друзья же и коллеги, обсуждая с Маклайном его рукопись, предпочитали называть ее просто «Основы...».

Сразу же по прибытии экспедиции на планету, Маклайн с головой ушел в дебри «Основ...», предоставив все бразды правления своему заместителю Иво Кийску.

Иво Кийск впервые принимал участие в работе экспедиции, занятой описанием планеты. Прежде он входил в состав одного из отрядов галактической разведки. Два года назад, во время первой высадки на Калгоду, Кийск угодил в ловушку синего слизня. Ему удалось невозможное – отбиться от гигантского моллюска и выбраться из его зловонной ямы. Когда Кийска нашли, он был без сознания. Все его тело было облеплено едкими выделениями слизня. Врачам удалось сохранить только его лицо. Остальные поверхности тела закрыли синтетической кожей. Состояние здоровья Кийска после выхода из больницы не внушало врачам никаких опасений, но все же, проявляя разумную осторожность, медицинская комиссия не дала ему разрешения на продолжение службы в галактической разведке. Не привыкший к спокойной и размеренной жизни на Земле, Кийск готов был лететь куда угодно, в любой должности. Три месяца он обивал пороги всевозможных ведомств, учреждений и фирм, занимающихся работами вне Земли, и в конце концов для него нашлось место помощника руководителя комплексной экспедиции на планету с индексом «пятнадцать». «Пятнашка» – это, конечно же, не бог весть что, но в положении Кийска выбирать не приходилось.

К радости Маклайна, Кийск блестяще справлялся со своими и его, Маклайна, обязанностями, обращаясь к руководителю за разрешением или советом в крайне редких случаях. «Основы...» феноменальными темпами увеличивались в объеме.

Сейчас, слушая историю о зловонных Борису, которую не без удовольствия пересказывал Карен, Маклайн непонимающе смотрел то на удивительно спокойного и как всегда немного мрачноватого Кийска, то на осунувшегося, потерянного, не похожего на себя самого Киванова, то на пытающегося как обычно шутить по любому поводу Качетряна.

Когда Качетрян закончил рассказ, Маклайн посмотрел на Кийска и беспомощно развел руками:

– Я ничего не понимаю, – растерянно произнес он.

– Используя Борису в качестве матрицы, Лабиринт создал двойника, который сейчас находится на станции, – разъяснил ситуацию так, как он ее понимал, Кийск. – Мы не знаем, кто и с какой целью создал копию, поэтому нам следует принять все возможные меры безопасности.

– Да-да, конечно! – с готовностью согласился Маклайн.

– А этот Борис, – Качетрян взглядом указал на Киванова, – он настоящий или копия?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Кийск.

– Что значит «копия»?! – взорвался молчавший все это время Киванов. – Какая я вам копия?! Ловите эту копию, если есть желание, а я иду отдыхать! Я археолог, а не контактер – и не эсбэшник! Ловить чужаков – не мое занятие!

Уперевшись руками в подлокотники, Киванов вытолкнул себя из кресла и быстрыми, широкими шагами направился к двери.

– Сядь на место! – рявкнул у него за спиной Кийск.

Киванов остановился возле двери, так и не открыв ее.

– Пожалуйста, Боря, сядь на место, – уже спокойно повторил Кийск.

Помедлив секунду, Киванов вернулся на свое место.

– С чужаками нам придется разбираться самим, поскольку профессиональных контактеров среди нас нет, – сказал Кийск, обращаясь одновременно ко всем присутствующим. – Задача номер один – найти второго Бориса. Для начала следует собрать в одном месте весь персонал станции. После этого мы с главного пульта заблокируем все отсеки и обобщем их один за другим.

– Верно, – слишком уж поспешно кивнул Маклайн, заранее готовый соглашаться со всем, что скажет Кийск. – Внимание! – громко произнес он, включив микрофон внутренней связи. – Всем членам экспедиции срочно собраться в кабинете руководителя!

– Не хватает четверых, – сказал Качетрян, обведя взглядом присутствующих.

– Троих, – поправил его Кийск.

– Четверых, – снова сказал Качетрян и, загибая пальцы, начал пересчитывать. – Штрайх, Ивлева, Палмер и... второй Киванов, – закончил он, пожав плечами.

Кийск удивленно поднял брови:

– Ты думаешь, он придет?

Качетрян с сомнением пожал плечами.

– А почему бы и нет, – мрачно изрек Киванов. – Неизвестно еще, кто из нас настоящий.

– Кстати, – воскликнул Качетрян, – как бы нам их не перепутать!

Быстро глянув по сторонам, он схватил со стола маркер, подошел к Киванову и нарисовал на нагрудном кармане его куртки жирную, ярко-красную двойку.

– Два – это потому, что ты вторым пришел ко мне обедать, – объяснил он.

Борис не успел высказать своего мнения на сей счет.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Ален Палмер.

– Что случилось? – спросил он с порога.

– Садись, – указал ему на свободное кресло Кийск. – Узнаешь, когда соберутся все.

В коридоре послышались голоса. Дверь открылась. Галантно изогнувшись в поклоне, Игорь Штрайх пропустил вперед Марту Ивлеву. Улыбнувшись, Марта скользнула в кабинет. А Штрайх сделал шаг в сторону, уступая проход кому-то еще, кто находился рядом с ним в коридоре.

– Прошу вас, сударь!

– Благодарю.

Обогнув Штрайха, в кабинет руководителя экспедиции вошел Борис Киванов.

– Немая сцена! – трагическим шепотом произнес Качетрян.

Пришедшие с изумлением смотрели на сидевшего в кресле Киванова. Те же, кто находились в кабинете, с неменьшим изумлением рассматривали его двойника.

Быстрее других сориентировался в ситуации Качетрян. Он подошел к новоявленному Киванову и нарисовал на кармане его куртки цифру «один».

– Ты у нас будешь Бориска-один, – сказал он, ободряюще похлопав Киванова по плечу.

– А это кто? – указал Штрайх на другого Киванова.

– А это – Бориска-два, – как само собой разумеющееся объяснил Качетрян.

Киванов-два медленно поднялся и, сделав два шага вперед, остановился напротив своего двойника.

Два человека, похожие, как две горошины из одного стручка, внимательно рассматривали друг друга, изучая каждую деталь, но взгляды их при этом не пересекались.

Смотреть на своего живого двойника – это совсем не то, что рассматривать самого себя в зеркале. Это страшно. Сначала начинаешь искать различия, хотя бы незначительные, заметные только тебе одному. Потом появляется желание оттолкнуть, ударить. Холодная, тупая, беспричинная злость поднимается снизу, дергается дрожью в коленях, сводит живот, гулко отдается ударом сердца, перехватывает спазмом горло и красным, горячим туманом обволакивает мозг.

Кийск почувствовал состояние двойников прежде, чем они сами осознали, что с ними происходит, и, предупреждая возможный взрыв, вклинился между ними, сработав подобно изолятору, разделяющему два высоковольтных провода.

– Сядьте все! – решительно приказал, почти крикнул Кийск.

Киванов-два, не говоря ни слова, послушно вернулся на свое место. Киванову-один Кийск указал на кресло рядом с Маклайном.

Когда все расселись, Маклайн попросил Качетряна еще раз, – для тех, кто не слышал, – повторить свой рассказ. Качетрян сделал глубокий вдох и собрался было уже по третьему разу излагать историю появления на станции двух Борисов, снабдив ее новыми красочными подробностями, но его остановил Кийск.

– Версию Киванова-два мы уже слышали, – сказал он, глядя на Маклайна. – Давайте теперь послушаем другого.

Маклайн кашлянул в кулак:

– Господин Киванов, – повернулся он к Борису, сидевшему рядом с ним, – расскажите нам, пожалуйста, о сегодняшнем... гм... происшествии.

– До тех пор, пока я не увидел своего двойника, я не придавал тому, что произошло сегодня со мной, большого значения, – неторопливо, словно тщательно обдумывая то, что он говорит, начал Киванов-один. – Сегодня я обнаружил в Лабиринте странный треугольный зал. Никогда прежде я не видел ничего подобного. В центре стоял огромный черный куб с выемкой, похожей на сиденье. Едва я вошел в зал, как стены его распались на сектора, которые выдвинулись в глубь помещения и превратились в трехгранные зеркальные призмы, вращающиеся вокруг своих осей. Я оказался оттиснутым к центру помещения. От мелькания зеркал у меня закружилась голова, я почувствовал себя плохо и присел в углубление на кубе. На какое-то время я забылся или потерял сознание. Очнувшись, я увидел, что зал принял свой первоначальный вид. Не осталось никаких следов того, чему я был свидетель. Выбравшись из Лабиринта, я сел в вездеход и приехал на станцию. Вот как все было. – Киванов-один обвел взглядом присутствующих. – Но сейчас, когда я увидел своего двойника, я вспомнил... Или, может быть, мне только кажется?..

Киванов-один выжидающе умолк, глядя на своего близнеца.

Киванов-два кивнул:

– Да, – сказал он. – Я тоже вспомнил, когда увидел тебя.

Последовала долгая, тягучая пауза.

Первой не вынесла молчания Марта Ивлева.

– И что же вы вспомнили? Может быть, скажете нам наконец?

Она меньше всех понимала, что вообще происходит, и это заставляло ее нервничать.

Кивановы посмотрели друг на друга, словно договариваясь мысленно, кто будет говорить.

Начал Киванов-два:

– У меня, так же как и у моего двойника, во время сна в треугольном зале был телепатический контакт с хозяевами Лабиринта.

Штрайх громко и протяжно свистнул.

Все разом посмотрели на него.

– Нет-нет, – виновато взмахнул руками Штрайх. – У меня нет никаких комментариев. Я просто поражен.

– Мы тоже, – усмехнулся одними губами Кийск.

– А кто они такие, эти хозяева Лабиринта? – спросил Качетрян, обращаясь сразу к обоим Борисам.

Киванов-два пожал плечами:

– Не знаю.

Качетрян с надеждой посмотрел на другого Киванова, но тот тоже отрицательно покачал головой.

– Но они похожи на людей? – не унимался Качетрян.

– Не знаю, я их не видел, – ответил Киванов-два.

– Они сейчас находятся здесь, на этой планете? – не оставлял попыток хоть что-нибудь разузнать Качетрян.

– Я ничего про них не знаю, – четко, с расстановкой, сдерживая раздражение, произнес Киванов-два.

Качетрян разочарованно выгнул губы:

– Тогда какой же это контакт?

– Мне просто было передано нечто вроде послания, – сказал Киванов-один. – Мы должны закончить все работы на планете, свернуть станцию и улететь первым же кораблем. Больше никто и никогда не должен ступать на планету PX-183.

– Похоже на ультиматум, – задумчиво произнес Маклайн.

– Это и есть ультиматум, – подтвердил Киванов-два.

– Но мы передали на Землю сообщение о Лабиринте, и к нам уже летит корабль с отрядом Совета безопасности, – сказал Кийск.

Киванов-два утвердительно наклонил голову:

– На этом корабле, вместе с эсбэшниками, нам советуют убраться.

– Нам рекомендовано, – продолжил Киванов-один, – показать эсбэшникам какую-нибудь подходящую пещеру в горах на юге и сделать вид, что именно ее мы и имели в виду, сообщая о Лабиринте.

– Хозяевам Лабиринта известно, что именно мы сообщили на Землю? – спросил Кийск.

– Известно, – уверенно подтвердил Киванов-два. – Они прекрасно осведомлены обо всем, что происходит на станции.

– Но эсбэшники и сами могут наткнуться на Лабиринт.

– Они его не найдут, – все так же уверенно сказал Киванов-два. – И нас туда тоже больше не пустят.

– Послушайте, близняшки! – воскликнула вдруг Марта. – Один из вас – это замаскированный хозяин!

– Нет, – ответил Киванов-один.

Киванов-два тоже отрицательно качнул головой:

– Один из нас – это просто биокопия другого.

– А кто из вас настоящий? – спросил Палмер.

Кивановы посмотрели друг на друга. Каждый из них хотел сказать, что именно он и есть настоящий Борис Киванов, а его двойник – биокопия, но они только молча опустили глаза и пожали плечами.

– Давайте продолжим об ультиматуме, – сказал Маклайн. – Нам предложено... гм... убраться отсюда и молчать о Лабиринте. Что произойдет, если мы не выполним этих требований?

– Тогда хозяева сами предпримут необходимые действия, – ответил Киванов-один.

– Какие?

– Не знаю.

– А, собственно, для чего эти самые хозяева подослали нам второго Бориса? – обратился одновременно ко всем Палмер.

– Ну, это как раз проще всего, – ответил ему Кийск. – Во-первых, если бы из Лабиринта вернулся только один настоящий Борис и начал рассказывать нам то, что сейчас мы слышали от двоих, мы, скорее всего, сочли бы его, мягко говоря, не совсем здоровым и отправили бы к Марте глотать витамины. Да и сам Киванов мог решить, что ему просто что-то пригрезилось. Во-вторых, таким образом хозяева очень наглядно продемонстрировали нам свои возможности. Каждый из нас хотя бы раз спускался в Лабиринт. – Кийск поднял указательный палец вверх и сделал многозначительную паузу: – Так что не удивляйтесь, если вдруг встретите своего двойника.

Марта прикрыла рот ладонью, сдерживая готовый вырваться возглас, глаза ее испуганно округлились. Всем остальным, хотя они и старались это скрыть, тоже сделалось от такой возможности несколько не по себе.

Вопрос, интересовавший всех, задал Штрайх:

– И что же мы будем делать?

Маклайн посмотрел на Кийска, переадресовывая ему вопрос Штрайха. Кийск понял, что в сложившейся ситуации решения придется принимать ему. Он почувствовал себя в своей стихии: тоскливое выжидание не соответствовало его натуре, он весь был запрограммирован на активные действия. Для него жить значило балансировать на проволоке, натянутой над пропастью.

– Вы уверены, что не знаете, кто из вас копия? – спросил Кийск у Кивановых.

– Я не знаю, – ответил Киванов-два.

– Я тоже, – покачал головой Киванов-один.

– В таком случае, если вы не возражаете, мы попросим Марту провести медицинское освидетельствование.

Марта согласно кивнула. Кивановы тоже не выразили протеста.

Кийск повернулся к Качетряну:

– Поможешь Марте?

– Конечно. – Карен сразу же поднялся на ноги.

– Сообщите сразу, как только будут какие-нибудь результаты.

Качетрян, Ивлева и Кивановы вышли из комнаты.

– Господин Маклайн, я полагаю, нам следует немедленно поставить в известность обо всем происходящем Землю и направляющийся к нам корабль Совета безопасности.

– Да-да, конечно, – руки Маклайна суетливо забегали по столу, как будто он потерял что-то очень важное.

– Кроме того, следует включить автономные системы жизнеобеспечения корпусов, заблокировать двери, все отсеки и переходы и перевести управление ими на главный пульт. Любую дверь будем открывать, только убедившись, что впускаем своего.

Штрайх усмехнулся:

– Ты уже знаешь, как отличить своего от чужого?

Кийск шутивого тона не принял.

– Над этим мы еще подумаем. Надо будет ввести систему опознавательных знаков.

– Я так понял, что ультиматум хозяев мы не принимаем, – констатировал Палмер. – Какие ответные действия мы можем ожидать с их стороны?

– Могу предложить один из вариантов, – сказал Штрайх. – Нас можно ликвидировать и заменить копиями, которые сделают то, от чего мы отказались.

– Господин Штрайх! – возмущенно воскликнул Маклайн. – Вы выбрали самый ужасный из всех возможных вариантов! Нам пока еще не причинили никакого вреда!

– Да, но и мы пока еще не предприняли никаких конкретных действий.

– А если ничего и не предпринимать? – предложил Палмер. – До тех пор, пока не прилетит корабль Совета безопасности. Он будет здесь всего через три дня. Тогда мы и покажем им двух Борисов, расскажем, что у нас здесь происходит, – пусть они со всем этим разбираются, это их работа! А мы до их прибытия можем спокойно отсидеться на станции.

– Очень сомневаюсь, – ни к кому не обращаясь, буркнул Штрайх и принялся старательно обгрызать ногти.

Кийск посмотрел на Маклайна. Тот, двумя пальцами взявшись за оправу, поправил очки и взглядом дал понять Кийску, что ждет ответа от него.

– Отсиживаться на станции нам придется в любом случае, – сказал Кийск. – Ни о каких работах снаружи теперь не может быть и речи.

– А там и делать-то нечего, – вставил Штрайх.

– Но сообщить в Совет безопасности о хозяевах Лабиринта и о их ультиматуме мы должны немедленно, не дожидаясь корабля.

– К чему такая спешка? – недовольно спросил Палмер.

– Мне очень не нравится вариант развития событий, предложенный Игорем. Эсбэшники должны быть готовы к тому, что вместо нас их могут встретить двойники. А если двойники заменят нас на станции, то они же и полетят на Землю. И что они станут делать там? Семь чужих существ с никому не известными программами, с непонятной нам психикой и логикой поведения и наделенные при этом полной свободой действий, поскольку все принимают их за обычных людей.

В кабинете воцарилась тишина. Маклайн, близоруко щурясь, протирает салфеткой очки. Штрайх старательно обгрызал ноготь на мизинце.

– Хотел бы я взглянуть на этих хозяев, – пробормотал он.

– Но у нас даже нет оружия! – воскликнул Палмер, вскакивая с кресла.

– Ты собрался с кем-то воевать? – скосил на него глаза Штрайх.

– Нет, – раздраженно взмахнул рукой Палмер и сел обратно в кресло. – Чертовы эсбэшники! – воскликнул он и стукнул кулаком по подлокотнику. – Из-за их чертова индекса «пятнадцать» мы остались без оружия, с голыми руками!

– На складе есть плазменные резак, – сказал Кийск. – В случае необходимости их можно использовать как оружие.

– Хорошенькое оружие! – презрительно тряхнул головой Палмер. – Действует на расстоянии в полметра!

– Это лучше, чем ничего.

– С таким же успехом можно раздать всем кухонные ножи!

Маклайн закончил протирать очки и едва заметно подрагивающими руками водрузил их на свой длинный нос.

– Господа! Молодые люди! – Голос его нервно вибрировал. – Ну почему вы все хотите видеть в таком мрачном свете? Пока еще не произошло ничего страшного. Будем надеяться, что ничего и не произойдет.

Кийск поднялся из кресла.

– Я как раз и хочу сделать все от нас зависящее, чтобы ничего не произошло. Ален, сходи на склад и принеси плазменные резак. Их должно быть шесть штук. Заодно включи шлюзовую

систему ворот складского корпуса: две двери лучше, чем одна. Игорь, ты сделай то же самое в других корпусах. А мы с господином Маклайном тем временем свяжемся с кораблем СБ.

Глава 4

Без связи

В командном отсеке Кийск усадил Маклайна во вращающееся кресло и занял место справа от него, чтобы иметь доступ к контрольной клавиатуре настройки.

– Вы готовы, профессор? – спросил он, набрав код вызова.

– Дайте мне несколько минут. – Маклайн достал из кармана блокнот и авторучку. – Я должен набросать план того, что буду говорить. Чтобы ничего не упустить.

Кийск не стал спорить – несколько минут ничего не решали. Повернувшись в сторону, он включил программу контрольной настройки линии дальней связи.

Внезапно сзади кто-то схватил его за плечи и с огромной силой отшвырнул в сторону. Кийск ударился виском о какой-то выступающий угол и на мгновение потерял сознание.

Очнулся он уже на полу. Кровь из рассеченного лба заливала глаза. Кийск вытер кровь ладонью и попытался подняться.

Маклайн сидел на стуле с открытым ртом. Блокнот выпал у него из рук, очки висели на самом кончике носа, и, пытаясь поправить их рукой, в которой он продолжал сжимать авторучку, Маклайн провел у себя на щеке жирную черную линию.

Рядом с ним, спиной к Кийску, стоял Борис Киванов с полуметровым отрезком железной трубы в руке.

Пытаясь подняться на непослушные, разъезжающиеся в стороны ноги, Кийск видел все, как в замедленном кино.

Киванов вскинул над головой руку с зажатой в ней трубой. Маклайн вжался в кресло и беспомощно выставил вперед руку, в которой все еще держал авторучку. В выражении его лица не было ни страха, ни боли – только растерянность и непонимание того, что происходит.

Киванов ударил не Маклайна. Он дважды обрушил трубу на лицевую панель управления пульта. Удары он наносил плашмя, по касательной, сбивая ручки, верньеры и клавиши, выворачивая из гнезд индикаторы. После этого он взял трубу двумя руками и, как кол в землю, вогнал ее в центр панели. Раздался сухой треск замкнувших проводов, запахло горелой изоляцией.

Кийску удалось встать на ноги в тот момент, когда Киванов выдернул из стойки монитор и разбил его об угол блока автономной системы жизнеобеспечения.

С громким хлопком экран монитора разлетелся вдребезги. Один из осколков чиркнул Маклайна по щеке. Маклайн вздрогнул, провел ладонью по лицу и увидел на руке кровь. Вид крови вывел его из состояния ступора.

– Господин Киванов! Что вы делаете?! Прекратите немедленно! – визгливо закричал он и обеими руками вцепился в левую руку Киванова.

Киванов легко, встряхнув рукой, отбросил Маклайна и взялся за следующий монитор.

Кийск подошел к нему сзади и, привстав на носки, что было сил ударил кулаком в основание черепа. Что-то мерзко хрустнуло, Киванов, выпустив монитор из рук, упал грудью на пульт и медленно сполз по нему на пол.

– Боже мой, боже мой, – едва слышным шепотом причитал Маклайн.

Кийск вытер рукавом кровь, сочившуюся из широкой раны на лбу, и, задвинув на место монитор, с тоской посмотрел на искореженную панель.

– Дня два уйдет на ремонт. Но связь, я думаю, удастся наладить раньше. Нужно будет только кожух снять. Как вы, профессор?

Маклайн, продолжая что-то невнятно бормотать, смотрел на распростертое у его ног тело.

– Вы убили человека, – смог наконец членораздельно выговорить он.

– А вы бы предпочли, чтобы следующим монитором он разможил вам голову?

Кийск присел на корточки, снова промокнул рукавом кровь на лбу и приложил пальцы к шее Киванова:

– Да, он мертв.

Кийск перевернул труп на спину и, взглянув на карман его куртки, удивленно присвистнул.

– Что такое? – спросил Маклайн.

Он хотел и не мог отвести взгляда от мертвых глаз, бессмысленно уставившихся в потолок.

– Третий, – сказал Кийск.

– Что «третий»? – не понял Маклайн.

– Киванов-третий. Хозяева начали применять против нас санкции.

Маклайн, с трудом оторвав свой взгляд от стеклянных глаз трупа, посмотрел на его грудь: на кармане не было никакой отметки.

Кийск взял Маклайна за локоть и помог ему подняться со стула.

– Пойдемте к Марте, господин Маклайн. Узнаем, как дела у них с Качетряном.

По дороге они ни о чем не говорили. Маклайн следовал за Кийском, переставляя ноги словно сомнамбула. Кийск прекрасно понимал состояние профессора, который, должно быть, впервые в жизни видел, как убивают человека.

В приемной медицинского отсека работал Качетрян. Он сравнивал какие-то снимки, выведенные на плоский горизонтальный экран, подсоединенный к широкопрофильному диагностуру. Увидев перемазанные кровью лица Кийска и Маклайна, Качетрян удивленно вскинул брови.

– Что с вами приключилось? – спросил он и громко крикнул: – Марта, к тебе пациенты!

Из соседней комнаты выбежала встревоженная Марта, тихо ойкнула, взглянув на раненых, и повела их в перевязочную. Вслед за ними туда зашел и Качетрян, которому не терпелось узнать, что же произошло.

В ответ на незаданный вопрос Маклайн лишь молча руками развел, – сам, мол, не пойму, как это случилось.

– Оба Кивановы здесь? – Спросил, усаживаясь в кресло, Кийск.

– Здесь, – ответила Марта. – Я только что сделала им обоим компьютерную томографию черепа.

Раздвинув рану на виске Кийска двумя пальцами, Марта быстро и ловко промыла ее.

– Придется наложить швы.

Кийск безразлично махнул рукой:

– Давай.

Марта достала стерильный пакет с шовным материалом.

– По Кивановым какие-нибудь результаты есть?

Ответил ему Качетрян. И, как обычно, начал он изда-лека:

– В одной книге мне как-то раз попалась занятная история о промышленном шпионаже в двадцатом веке. Одна компания выкрала у другой опытный образец нового авиационного топливного насоса. Торопясь запустить его в производство, компания, укравшая насос, не стала разбираться что в нем для чего, а попросту скопировала его один к одному. Пикантность ситуации заключалась в том, что при изготовлении образца в его корпусе случайно оказалась пробита дырочка, которую затянули болтом. Компания-пират в свою очередь стала на своем конвейере аккуратно просверливать такие же дырочки в корпусе каждого серийного насоса, а потом затягивать их болтами.

– Ну и к чему ты все это нам рассказываешь?

– А к тому, что хозяева Лабиринта поступили точно так же. Двое наших Борисов идентичны вплоть до пломб на зубах.

– Понятно.

Кийск потрогал повязку, которую наклеила ему поверх шва Марта, и уступил место Маклайну.

– Если тебе нужен статистический материал, – сказал он Качетряну, – можешь сходить в командный отсек. Там лежит еще один Киванов.

Глава 5

В темноте

Складской корпус представлял собой один большой ангар, разделенный на симметричные квадратные секции металлопластиковыми переборками. Около внешних ворот на огороженной турникетом площадке стояли вездеходы. Окон в корпусе не было; помещение заливал яркий, чуть голубоватый свет расположенных под потолком осветительных панелей.

Палмер прошел между рядами боксов, обогнул площадку с вездеходами и вышел в тамбур внешних ворот. Он вдавил клавишу на щитке возле двери, и глухо загудевший привод раздвинул створки ворот в стороны.

За воротами расстилалась мертвая каменная пустыня, окрашенная в кроваво-красный цвет лучами заходящего светила. Палмер в течение нескольких минут до рези в глазах всматривался в однообразное нагромождение валунов, но не заметил среди них никаких признаков жизни, ни малейшего движения. И тем не менее он ощущал смутное, свербящее беспокойство: безмолвие и неподвижность были похожи на предвестников приближающейся грозы. Как далеко протягиваются коридоры Лабиринта? Может быть, он сейчас здесь, под ногами, подобно гигантскому червю, стянул кольца своих ходов вокруг станции и, наблюдая, ждет? Палмер зябко передернул плечами и вдруг, словно испугавшись чего-то, быстро, гораздо сильнее, чем требовалось, хлопнул ладонью по клавише дверного привода.

Дождавшись, когда створки ворот встали на место, Палмер до отказа закрутил штурвал ручной блокировки двери. Выйдя из тамбура, он включил щиток шлюзовой системы, и вторая дверь, лязгнув, закрыла тамбур. Заблокировав и ее ручным штурвалом, Палмер переключил управление шлюзом на главный пульт.

Пройдя между вездеходами, он перепрыгнул через турникет и вошел в проход между боксами.

Номера на зеленых дверях боксов были выведены желтой флуоресцирующей краской. Палмер отлично знал расположение боксов: для того чтобы выйти к пятнадцатому, ему нужно было свернуть в четвертый проход направо.

Палмер миновал второй проход, когда внезапно во всем корпусе погас свет. Оказавшись в полной темноте, он инстинктивно прижался спиной к холодной стенке бокса. На противоположной стене бледно светилось число «сорок два».

На складе имелось три выключателя: около внешних ворот и рядом с переходами, соединяющими склад с другими корпусами. Любым из них можно включить или выключить свет во всем корпусе. Аварийное освещение не включилось, – значит, кто-то отключил свет намеренно.

Замерев, затаив дыхание, Палмер напряженно вслушивался в темноту. Не было слышно ни единого звука.

Первой его мыслью было спрятаться в боксе, но двери боксов не имеют запоров, да и сколько можно высидеть в темноте, ожидая неизвестно чего?

Проход, по которому шел Палмер до того, как погас свет, выходил чуть правее перехода в жилой корпус. Ведя рукой по стене, Палмер медленно, стараясь не производить лишних звуков, двинулся вперед. Через несколько шагов рука сорвалась в пустоту – поперечный проход. Расставив руки в стороны, Палмер миновал перекресток и пошел дальше, как и прежде придерживаясь стены. Ориентироваться помогали тускло светящиеся желтым номера на дверях боксов.

Палмер дошел до следующего перекрестка, когда в лицо ему ударил яркий свет: кто-то стоял в начале прохода, держа перед собой зажженный фонарь. Палмер замер, прикрыв глаза рукой. Человек с фонарем медленно двинулся ему навстречу.

– Кто здесь? – крикнул Палмер срывающимся от напряжения голосом.

Ответа не последовало. Незвестный продолжал движение.

Палмер бросился было в левый проход, чтобы попытаться, опередив незнакомца, добраться до перехода в лабораторный корпус, но оттуда в глаза ему ударил луч еще одного фонаря.

Палмер понял, что попал в ловушку. Бежать назад и пытаться открыть внешние ворота не имело смысла, – преследователи настигнут его прежде, чем он успеет отвернуть штурвалы двух шлюзовых дверей.

Фонари, поймав Палмера в перекрестье лучей, неумолимо приближались.

Палмер затравленно огляделся по сторонам. В правом проходе, который пока еще оставался свободным, ему бросилась в глаза цифра на двери бокса – «семнадцать». Следом за ним находился пятнадцатый бокс, а в нем – плазменные резак.

Бросившись в проход, Палмер услышал за спиной топот бегущих ног, – преследователи не хотели упустить его.

Добежав до двери с номером «пятнадцать», Палмер распахнул ее и, выскочив из луча света, нырнул в густую темноту. Захлопнув дверь, он принялся лихорадочно шарить руками по полкам открытых стеллажей, сбивая в кровь суставы пальцев, срывая ногти о какие-то совсем ненужные ему сейчас инструменты.

– Где? Где они?! Где?! – то едва слышно бормотал, то вскрикивал он.

Наконец пальцы его зацепились за рукоятку, покрытую гладким, чуть теплым на ощупь термопластиком.

Палмер рванул рукоятку на себя и, выдернув из груды других инструментов, прижал к груди плазменный резак. Стараясь унять дрожь в руках, он положил корпус резака на раскрытую левую ладонь и большим пальцем перебросил тумблер выключателя в рабочее положение. На кончике жала резака появилось бледно-голубое, едва заметное свечение, которое вытягивалось все дальше вперед по мере того, как Палмер вдавливал в рукоятку клавишу регулятора мощности.

– Ну, теперь заходите, – процедил он сквозь стиснутые зубы.

Слова эти, скорее всего, адресовались не притаившимся в темноте врагам, а самому себе, для поддержания боевого духа.

От сильного удара снаружи дверь распахнулась, и Палмер вновь на мгновение ослеп от ударившего в глаза света.

– Не двигайся! Стой на месте! – заорал Палмер, выставив резак на вытянутых руках вперед и до предела вдавив клавишу регулятора мощности.

– Не психуй, Ален, – спокойным голосом произнес тот, кто стоял в дверях. – Выключи резак.

Голос показался Палмеру чужим, совершенно незнакомым.

– Кто ты такой? Что ты здесь делаешь? – спросил Палмер и, не получив ответа, вновь сорвался на крик. – Убирайся!

– Подожди немного, сейчас включат свет, – все так же спокойно ответил голос из пятна света.

Они стояли друг против друга молча, не двигаясь.

Палмера начала бить крупная нервная дрожь, жало плазменного резака в его руках дергалось из стороны в сторону. Он лихорадочно пытался сообразить, что же ему делать, когда включится свет? Угрожая резаком, заставить чужака освободить дорогу и попытаться добраться до перехода? Но второй чужак, который пошел включать свет, может снова выключить его в любой момент. В полной темноте, не зная, сколько чужаков находится на складе, Палмер, даже вооруженный плазменным резаком, будет беззащитен. Отобрать у чужака фонарь? Интересно, фонари у них свои или они разыскали их на складе? Если они знали, где лежат фонари, то вполне могли знать и про плазменные резак. Может быть, им нужны они, а он, Палмер, про-

сто случайно оказался на пути? Жалко, что на боксах нет запоров, – можно было бы закрыть чужака. А почему он, собственно, поверил, что кто-то должен включить свет? Чужак просто зачем-то тянет время...

В этот момент зажегся свет.

– Не двигайся! – закричал Палмер, зажмурив на мгновение глаза.

Когда глаза привыкли к свету, Палмер увидел, что в дверях, привалившись плечом к косяку и небрежно поигрывая фонариком, который он держал в руке, стоит его двойник.

– Ну что? – спросил он Палмера. – Как впечатление?

Палмер сбросил мощность резака до минимума и опустил его жалом вниз. При ярком свете этот небольшого роста, худой человек с ранними залысинами на лбу и знакомым прищуром глаз вовсе не казался опасным.

– Кто ты такой? – спросил Палмер.

– Ты не знаешь? – двойник с наигранным удивлением поднял брови и округлил глаза:

– Я – Ален Палмер.

– Не прикидывайся дураком!

– Ну хорошо. Тогда я – твоя биокопия. Хотя с таким же успехом можно утверждать обратное: что ты моя биокопия. Между нами нет абсолютно никакой разницы.

– Кроме того, что я – настоящий. Я – человек.

– А я, по-твоему, кто? Монстр?

– Пока не знаю. Как ты здесь оказался?

Двойник насмешливо скривил губы:

– А ты помнишь, как появился на свет?

– Сколько вас?

Двойник демонстративно посмотрел по сторонам и разочарованно развел руками:

– Похоже, что нас с тобой только двое.

– Хватит! – Палмер угрожающе приподнял резак.

– Ты собираешься меня убить? – удивился двойник.

– Если возникнет необходимость.

– Но за что?

– Вы – чужаки!

– Но это еще не повод, чтобы убивать. Мы пока еще не сделали вам ничего плохого.

– Что вам нужно от нас?

– Вам было передано послание.

– Не послание, а требование убираться.

– Но при этом мы гарантируем вашу безопасность.

– Чего стоят ваши гарантии? Почему вы боитесь людей?

– Мы не боимся, просто не хотим с вами встречаться.

– И поэтому не очень вежливо просите убираться?

– Мы мыслим разными категориями.

– Слушай меня, мыслитель! Мысли ты хоть какими категориями, но через три дня здесь будет военный корабль, – вот тогда мы и поговорим о том, почему вам так не хочется с нами встретиться.

– Подумай о себе, Ален.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что мы ждем от вас некоторых определенных действий. Но, если они будут неверными, мы будем вынуждены их подправлять. Пойми меня правильно: это не угроза, а предупреждение. Действовать мы будем только в самых крайних случаях, в самый последний момент.

– Мы болтаем с тобой уже достаточно долго. Где твой приятель?

– Не знаю, у него свое задание.
– А твое задание?
– Я хочу забрать плазменные резак, – сказал двойник и добавил: – Видишь, я с тобой откровенен.

– Вооружаетесь? – усмехнулся Палмер.
– Разоружаем вас, чтобы вы не наделали глупостей.
– Хорошо. Положи фонарь на пол у двери и можешь забирать все, что тебе нужно.
– Ты это серьезно?
– Абсолютно. Я сейчас серьезен как никогда. Медленно иди ко мне. Резак здесь.
Палмер взглядом указал на полку, где лежали резак, и отступил на шаг назад.

Положив фонарь на пол, двойник начал медленно, осторожно, точно ступая по тонкому, ненадежному льду, двигаться вперед.

Палмер стоял, направив не него жало резака.
– А резак, который у тебя в руках, ты мне тоже отдашь?
– Нет, его я оставлю себе.
– Тебе следовало бы отдать и его.
– Бери, что дают, или не получишь ничего! – прикрикнул Палмер.

Чужак тяжело, с сожалением, вздохнул:

– Все равно тебе придется его отдать, – сказал он и, наклонившись, потянулся за резаками.

Палмер сделал шаг вперед и обрушил рукоятку своего резака на затылок двойника. Чужак, не издав ни звука, упал на пол.

Палмер, не выключая, положил резак на полку рядом с собой, кусачками отрезал от мотка изолированного провода конец длиной около метра и скрутил им заведенные за спину руки чужака. Отрезав еще один кусок провода, он продел его в ручки лежавших на полке резаков и затянул концы узлом.

Уловив краем глаза какое-то движение справа от себя, он бросил связку, схватил включенный резак и развернулся к двери.

От двери, угрожающе сжав в руке фонарь, на Палмера надвигался еще один его двойник.
– Стой! – крикнул Палмер, делая шаг назад.

Нога его зацепилась за тело лежавшего на полу связанного двойника. Падая на спину, Палмер до предела вдавил клавишу мощности в рукоятку резака.

Второй двойник, продолжая в это время двигаться вперед, напоролся на почти невидимую при ярком свете плазменную струю. Мгновенно в животе его образовалась черная, обугленная по краям дыра. Рот чужака перекосялся в беззвучном крике, глаза вылезли из орбит и, казалось, вот-вот лопнут. Он схватился руками за дыру на животе. Пальцы, попадая под луч резака, отваливались от кистей и черными, обугленными обрубками падали на пол. Из рта чужака полилась кровавая слюна. Он пошатнулся и плашмя, во весь рост упал на Палмера.

Палмер в ужасе оттолкнул дымящийся, источающий омерзительный запах горелого мяса труп и вскочил на ноги. Резкий спазм в животе заставил его согнуться пополам. Его долго, до боли, рвало.

Тяжело, с присвистом дыша, Палмер выпрямился и отер рот рукавом.

Связанный двойник пришел в себя и, перевернувшись на спину, безучастно наблюдал за его страданиями.

– Не захлебнись, – желчно произнес он, встретившись с Палмером взглядом.
– Молчи, сволочь, – еле слышно выговорил Палмер.
– Ну как, тебе понравилось убивать людей?
– Вы не люди.

– Какая разница, мы ведь так похожи. Убив своего двойника, ты, считай, прикончил самого себя.

Стараясь не смотреть на изуродованный труп, Палмер поднял с пола резак.

– Вставай, – приказал он двойнику.

Видя, что тот не торопится, Палмер ткнул его носком ботинка под ребра.

– Поднимайся!

Двойник медленно, с неохотой поднялся на ноги. Палмер повесил ему на шею связку резачков и подтолкнул к двери. Перешагивая порог, он подобрал валявшийся на полу фонарь.

– Направо, – сказал он чужаку и для убедительности подтолкнул его фонарем в спину.

Палмер хотел дойти до ближайшего перехода в лабораторный корпус и заблокировать дверь между корпусами. Ему хотелось скорее оказаться в безопасном месте, но после приступа мучительной рвоты он чувствовал смертельную слабость – колени дрожали, в голове стоял протяжный звон, зеленые пятна плыли перед глазами. Он не заметил, как медленно приоткрылась дверь бокса, мимо которого они прошли.

Палмера схватили сзади за шею и с размаху ткнули лицом в стенку бокса.

Глава 6

Двойники прибывают

Тело Киванова-три положили в пустовавшую до сих пор холодильную камеру для биологических образцов.

– Все-таки то, что произошло, – ужасно, – сказал Маклайн, поправляя очки.

– Надеюсь, это было самое ужасное из того, что должно случиться, – мрачно отозвался Кийск.

– Я не о том, – левая щека Маклайна нервно дернулась. – Ужасно, что первый контакт с чужой, незнакомой нам цивилизацией произошел подобным образом.

– Они оказались слишком непонятными и очень уж чужими.

– Да, конечно, но тем не менее...

– Нам не в чем себя упрекнуть, профессор. Не мы это начали. Они проникли на станцию и устроили погром в командном отсеке. Из-за их действий станция находится фактически на осадном положении.

– Но ведь и мы забрались в Лабиринт, не спросив разрешения.

– Мы считали планету необитаемой.

Маклайн невесело хмыкнул:

– Может быть, и мы для них всего лишь ошибка природы? Или даже хуже – стихийное бедствие? Мы ведь даже не знаем, что из себя представляют хозяева Лабиринта, как они выглядят. Те, кого мы видели, – Кивановы-близнецы, – всего лишь изделия хозяев, судить по которым о самих создателях я, например, не берусь.

Разговаривая, они вошли в кабинет Маклайна.

Маклайн сразу же упал в кресло и блаженно вытянул ноги. Кийск встал напротив него, упершись кулаками в стол.

– Кстати, по поводу двойников. Что, по вашему мнению, мы должны сделать с двумя оставшимися Кивановыми? Посадить обоих под замок?

– Мое мнение... – Маклайн задумчиво почесал кончик носа, снял очки, повертел их в руках и снова водрузил на прежнее место. – Мне кажется, что оба оставшиеся у нас Кивановы – настоящие. Первая копия Киванова не имела никакой специальной установки со стороны хозяев. Ее цель была одна: убедить нас, что послание, переданное через Киванова, не является следствием расстройства психики Бориса. Третий Киванов, прибывший на станцию, имел уже конкретное задание – вывести из строя узел связи. И отчасти ему это удалось. Кстати, я думаю, что придет и еще один двойник, который должен будет завершить начатое Кивановым-три.

– А не сработает ли установка первого двойника Бориса позднее?

– Я не провидец, – развел руками Маклайн. – Но с такой же вероятностью можно предположить, что хозяева обладают возможностью воздействовать на каждого из нас напрямую.

Кийск озадаченно хмыкнул, – подобная мысль не приходила ему в голову, – и задумчиво поскреб щеку, на которой начала появляться щетина.

На столе пискнул зуммер интеркома внутренней связи. Маклайн включил микрофон.

– Маклайн. Слушаю.

– Профессор, это Штрайх! – Голос был возбужденный. – Кийск случайно не у вас?

– Я здесь, Игорь, – сказал Кийск.

– Иво, я поймал пару двойников! – с радостью мальчишки, забившего гол, крикнул Штрайх. – Один из них – я, а другой – ты! Я запер их в своей комнате. Не пойму, что им там понадобилось?

– Как тебе это удалось?

– Помнишь мою сувенирную авторучку из армолита? Я заклинил ею дверь! Что будем делать с чужаками?

– Ты запер ворота?

– Да. Включил шлюзовые системы и перевел управление на главный пульт.

– Жди, я сейчас приду, – сказал Кийск.

– Чужаки прибывают, – безрадостно констатировал Маклайн.

– Надеюсь, что эти – последние. Все наружные ворота заперты. Тем не менее, чтобы не возникло путаницы с двойниками, если таковые еще есть на станции, вы, профессор, оставайтесь в своем кабинете и поддерживайте постоянную связь через интерком со всеми нашими. Вы должны в любой момент знать, кто где находится. Не допускайте никаких перемещений по станции без вашего ведома.

Слушая Кийска, Маклайн с серьезным видом кивал.

– Когда вернется Палмер, пусть займется восстановлением связи, – Кийск совсем уже было вышел из кабинета, но на пороге обернулся и добавил: – И отправьте кого-нибудь на кухню, а то мы со всей этой кутерьмой совершенно забыли про ужин.

По центральному коридору Кийск добрался до перехода между корпусами, никого не встретив по пути. Войдя в коридор жилого корпуса, он свернул налево и сразу же увидел Штрайха, прохаживающегося с гордым видом победителя у двери своей комнаты.

О том, что произошло, Штрайх начал рассказывать сам, не дожидаясь расспросов:

– Я закрыл ворота и уже возвращался назад, когда, проходя мимо, услышал какую-то возню. Заглянул, а там – двое: ты и я! Я дверь захлопнул, держу и соображаю, что делать. Изнутри рваться начали, я и всадил авторучку в щель между дверью и косяком. Они еще какое-то время подергались, а потом затихли. Я думаю, не закрылись ли они изнутри?

Кийск подергал авторучку, но та плотно сидела в гнезде. Ухватиться за нее можно было только двумя пальцами.

Сходив в свою комнату, Кийск вернулся с широким охотничьим ножом с тяжелой костяной рукояткой. Кожаные ножны он засунул за пояс.

– Талисман, – ответил он на удивленный взгляд Штрайха. – Память о Калгоде.

Устроившись возле двери поудобнее, Кийск подцепил авторучку острием ножа. Дважды нож срывался, но на третий раз Кийску все же удалось выдрать авторучку из щели.

– Держи, – протянул он ее Штрайху. – Почти не помялась.

– Армолит! – гордо произнес Штрайх, пряча авторучку в карман.

Кийск толкнул дверь, и та легко ушла в стену. Перевернув нож так, чтобы лезвие легло на запястье, Кийск шагнул за порог.

На кровати сидели двое чужаков.

У Кийска дрожь пробежала по позвоночнику, когда он встретился взглядом со своим двойником. В глазах чужака не было ничего – ни злобы, ни страха, ни интереса, – только застывшая бездонная пустота. Двойник посмотрел на Кийска как на абсолютно ненужный и неинтересный ему предмет, – скользнул безразличным взглядом и снова уставился в пол.

– Что тебе надо? – не глядя на Кийска, ровным бесстрастным голосом произнес двойник.

Кийск едва не задохнулся от ударившей в голову злости.

– А ну-ка встать! – заорал он.

Чужаки, не проявляя особой поспешности, все же выполнили приказ.

– Лицом к стене! Теперь два шага назад! Руки на стену! Стоять, не двигаться! Игорь, обыщи их.

Неумело, но тщательно Штрайх обшарил карманы чужаков.

– Ничего нет, – сообщил он, закончив обыск.

– Повернуться лицом ко мне! – приказал Кийск чужакам.

Чужаки опустили руки и развернулись.

– Вас на станции только двое, или есть еще? – спросил Кийск.
– Не знаю, – ответил его двойник.
– А ты? – Кийск повел ножом в сторону двойника Штрайха.
– Не знаю, – ответил тот.
– Кто ваши хозяева? Кто послал вас на станцию?
– Не знаю.
– Зачем вы сюда пришли?
– Чтобы выполнить задание.
– В чем оно заключается?
– Перекрыть доступ в жилой корпус.
– Слышал? – повернулся Кийск к Штрайху. – Нас собирались запереть в лабораторном корпусе.

– Какой идиот спроектировал такую станцию! – в сердцах возмущенно всплеснул руками Штрайх.

– Станция нормальная, – возразил Кийск. – Только мы вели себя на ней как последние разгильдяи, доверившись пятнадцатому индексу. – Кийск снова повернулся к чужакам. – Что вы должны были делать после выполнения задания?

– Ждать дальнейших указаний.

– От кого?

– Не знаю.

– По-моему, мы от них ничего путного не добьемся, – сказал Кийск Штрайху.

– И что ты собираешься с ними делать?

– А что с этими недоумками можно сделать? – Кийск презрительно скривил губы. – Выставим их за ворота. Эй, вы, двое, – на выход!

Чужаки все так же спокойно, не торопясь, но и не пытаясь сопротивляться, выполнили команду.

Они прошли по коридору между двумя рядами комнат и, миновав холл, в который выходили двери столовой, информотеки и небольшого видеозала, вышли к шлюзу.

– Я переключил управление на главный пульт, – сказал Штрайх, положив ладонь на штурвал ручной блокировки.

– Главный пульт поврежден, – ответил Кийск.

Штрайх несколько раз повернул штурвал и придавил пальцем клавишу на щитке. Дверные створки плавно разошлись в стороны.

– А что случилось с главным пультом? – спросил Штрайх.

Они вошли в тамбур и подошли ко второй двери.

– Чужак над ним поработал.

Штрайх отвернул штурвал наружной двери и, нажав кнопку, задействовал дверной привод. Как только между створками двери образовался просвет, в него скользнули две руки и, схватив Штрайха за плечи, выдернули наружу. Штрайх попытался уцепиться за край ворот, но пальцы его только скользнули по гладкому металлу. В открывающемся дверном проеме Кийск увидел шесть или семь человек, бегущих к шлюзу.

Два чужака, стоявшие до этого у стены неподвижно, словно куклы, у которых кончился завод, одновременно, как по сигналу, набросились на Кийска. Со свистом выдохнув воздух, Кийск по рукоятку всадил нож в живот своему двойнику. Выдернув его и оттолкнув визжащего, истекающего кровью чужака, он наотмашь ударил двойника Штрайха рукояткой ножа в висок. Второй чужак упал на пол, но в шлюз уже вбежали новые, возглавляемые двойником Маклайна.

Больше всего поразило Кийска то, что у двойника профессора на кончике длинного носа висели такие же, как и у оригинала, очки в тонкой металлической оправе. «Зачем они ему?» – подумал Кийск и кулаком ударил чужака прямо по этим старомодным очкам.

Не дожидаясь, когда остальные чужаки навалятся на него, Кийск бросился к двери, ведущей в корпус, и с размаху ударил ладонью по кнопке дверного привода.

Медленно, невероятно медленно, сходились створки ворот. Ему еще пришлось пинком вытолкнуть двойника Качетряна, пытавшегося проскочить в сужающийся проход, прежде чем створки, лязгнув, соединились.

Кийск достал носовой платок, тщательно обтер лезвие ножа, бросил платок на пол и убрал нож в ножны. Взявшись за штурвал, он до упора завернул его. Только после этого Кийск сел на пол, прижался спиной к холодному металлопластику двери, прикрыл глаза и тяжело перевел дух. Подавив рождавшуюся в самом центре груди нервную дрожь, он стиснул зубы, как перед ударом ножом, и несколько раз стукнул крепко сжатым кулаком по полу.

– Они не люди! Не люди! Не люди!!!

Поднявшись на ноги, Кийск наклонился и зачем-то подобрал с пола заскорузлый от крови платок. Выключив свет в холле, он подошел к круглому, закрытому бронированным стеклом окну.

Тусклый, кроваво-красный отсвет лежал на каменных грядках: мертвая, безжизненная пустыня, залитая мертвенным светом ночного светила.

Кийск включил наружное освещение. Мрак, отброшенный в сторону, стал черным, еще более густым и непроницаемым. На залитом светом пространстве не было заметно ни малейшего движения.

Как и все остальные на станции, Кийск плохо понимал, что происходит. Из-за чего началась война? Но, в отличие от других, ему было известно, что, когда вокруг враги, следует оставить все вопросы на потом и просто драться. При этом он понимал, что главный его противник – Лабиринт, а двойники – всего лишь пешки, которые Лабиринт готов жертвовать без счета.

Кийск отошел от окна, зажег свет в помещении и включил интерком.

– Слушаю. Маклайн.

– Профессор, это Кийск. Как у вас дела?

– Все в порядке. Палмер с Качетряном занимаются восстановлением пульта. Один Киванов пошел на кухню готовить ужин, другой помогает Марте. А я пытаюсь составить отчет о том, что у нас происходит. Что у вас?

– Я сейчас возвращаюсь. Чужаки, похоже, хотят запереть нас в лабораторном корпусе. Они утащили Штрайха.

– Как?!

– Мы открыли шлюз, чтобы выставить тех двоих, которых поймал Игорь. Снаружи оказалось еще несколько чужаков. Мне едва удалось отбиться и закрыть внутреннюю шлюзовую дверь.

Кийск замолчал. Динамик интеркома также не издавал ни звука. Наконец послышался очень тихий, сдавленный, словно приглушенный огромным расстоянием голос Маклайна:

– Что же нам теперь делать, Иво?

– Я сейчас приду, – сказал Кийск и отключил связь.

Проходя мимо столовой, он услышал шум работающих кухонных автоматов.

На кухне хозяйничал Киванов.

Кийск с облегчением увидел у него на кармане куртки цифру «два», нарисованную Качетряном.

– А, Иво, – Киванов, увидев Кийска, радостно улыбнулся. – Что нового на станции? Говорят, Штрайх поймал двух чужаков...

Киванов вдруг осекся и умолк. Его взгляд остановился на кровавом пятне, расплывшемся по голубой куртке Кийска на уровне живота, затем скользнул по ножу, засунутому за пояс.

Кийск, проследив за его взглядом, скривил губы в болезненной полуулыбке и тяжело опустился на стул.

– Дай что-нибудь пожевать, – попросил он.

– Ужин уже почти готов...

– Да нет, – махнул рукой Кийск. – Что-нибудь на скорую руку.

Киванов взял большой ломоть хлеба, положил на него толстый кусок ветчины, облил соусом, прилепил листок салата и накрыл вторым ломтем хлеба.

– Что случилось, Иво? – спросил он, протягивая сандвич Кийску.

– Чужаки пытались прорваться на станцию. Они утащили Игоря, – Кийск откусил кусок сандвича. – Будь здесь повнимательнее. Неплохо будет, если подыщешь себе какое-нибудь оружие. Палмер должен был принести со склада плазменные резак...

– Резаки против людей?

– Они не люди! – Кийск бросил на стол надкушенный сандвич. – Запомни это: они не люди!

– Успокойся, Иво.

– Да, – Кийск провел ладонью по лицу. – Нам всем следует держать себя в руках, иначе мы со страха начнем убивать друг друга.

Кийск поднялся со стула.

– Я к Маклайну, – сказал он.

Идя по коридору, Кийск заглядывал в каждую комнату, но нигде не заметил ничего подозрительного.

В проходе между корпусами он налетел, едва не сбив с ног, на Маклайна. Профессор стоял к нему лицом, раскинув руки в стороны.

– В чем дело, господин Маклайн? – спросил Кийск, стараясь не проявлять нервозности. – Почему вы здесь?

– Туда нельзя, – негромко и как-то очень уж нерешительно произнес Маклайн. – Пока нельзя. Надо подождать.

Очки его сползли на самый кончик носа. Блеклые, невыразительные глаза смотрел поверх оправы куда-то в глубь черепной коробки Кийска.

Кийск бросил взгляд через плечо Маклайна. Тяжелая герметичная дверь, ведущая в лабораторный корпус, медленно закрывалась.

– Черт возьми, профессор!

Кийск попытался обойти Маклайна, но тот, размахивая руками, старательно загораживал ему проход.

Схватив Маклайна за плечи, Кийск отшвырнул его в сторону и рванулся к двери. С разбега он ударил в нее плечом, но только услышал, как лязгнул, войдя в пазы, ручной запор.

– Проклятье!

Кийск с ненавистью ударил ладонью по холодному железу двери.

Двойник Маклайна навалился на него со спины и вцепился в горло обеими руками. С разворотом корпуса Кийск ударил чужака локтем в живот, вложив в удар все скопившееся в нем раздражение и злость. Надсадно охнув, чужак отлетел к стене и, хватая ртом воздух, завалился на пол. Кийск подобрал сорвавшиеся с носа лже-Маклайна очки и, рванув за ворот, вернул двойника в вертикальное положение. Ноги чужака подгибались, взгляд ошалело блуждал по сторонам. Он попытался уцепиться за Кийска, но тот, вывернув ему руку за спину, надавил на согнутую кисть. Чужак снова охнул и согнулся в пояс.

– Пойдем, дорогой, – почти ласково прошептал ему на ухо Кийск и толкнул вперед.

Выйдя из перехода, Кийск заставил чужака лечь на пол и, придавив его спину ногой, завернул до упора штурвал ручной блокировки двери.

Глава 7

На грани безумия

Короткий разговор с Кийском по интеркому выбил Маклайна из равновесия. До сих пор все происходившее казалось ему не более чем учебной тревогой или даже, скорее, проигрыванием модельной ситуации. Но сейчас, когда пропал Штрайх, Маклайну впервые стало по-настоящему страшно. Так жутко ему не было даже в тот момент, когда третий Киванов размахивал перед его лицом трубой. Маклайн вдруг подумал, что любой, кто войдет сейчас к нему в кабинет, может оказаться чужаком, явившимся для того, чтобы расправиться с ним.

Но ведь Кийск сказал, что Штрайха похитили, а это вовсе не означает, что его убили!

Успокоив себя таким образом и несколько приободрившись, Маклайн включил интерком.

– Слушаю, – ответил голос Ивлевой.

– Марта, Киванов у вас?

– Да. Один.

– Будьте осторожнее, чужаки активизируют свою деятельность.

– Что это значит? – встревоженно спросила Марта.

Маклайн на секунду замялся, сомневаясь, стоит ли говорить ей о Штрайхе.

– Похоже, что они пытаются проникнуть на станцию. Будьте бдительны и не забывайте докладывать мне о всех своих перемещениях.

Маклайн щелкнул переключателем.

– Киванов, – раздалось из динамика.

– Господин Киванов, как у вас дела?

– Ужин будет готов через несколько минут.

– Спасибо.

– Господин Маклайн, ко мне только что заходил Кийск. Он сказал, что пропал Штрайх.

– Да, я уже знаю. Я разговаривал с Кийском.

Маклайн переключил интерком на связь с командным отсеком. Зуммер пищал долго, но никто не отвечал.

Маклайн недовольно сдвинул брови, поправил очки и поднялся из кресла.

То, что он увидел, войдя в помещение командного отсека, повергло его в состояние шока.

Вся аппаратура, находившаяся в отсеке, была разрушена до основания. По полу были разбросаны искореженные обломки кожуха пульта, валялись мониторы с выбитыми экранами, платы и микросхемы, изломанные на куски и растоптанные ногами. В помещении стояла удушливая вонь от дымящихся оплеток проводов. Весь этот разгром покрывал сверху слой серого хлопьевидного порошка, выброшенного автоматической системой пожаротушения.

Пятясь, Маклайн вышел из отсека и, захлопнув дверь, побежал по коридору, сам не зная куда. Оказавшись возле медицинского отсека, он оттолкнул дверь в сторону и ворвался в приемную.

– Марта! Борис! – закричал с порога Маклайн. – Уничтожен главный пульт! Весь командный отсек разгромлен!

Вид Маклайна был ужасен. Он стоял в дверях, держась одной рукой за косяк, другой – за грудь. Лысина его была багровой, остатки волос вокруг нее топорщились в разные стороны, нижняя губа отвисла и мелко дрожала.

Марта испуганно подбежала к нему и, взяв за локоть, хотела усадить на кушетку, но Маклайн, грубо вырвав руку, истерично взвизгнул:

– Оставьте меня, черт возьми!

Киванов скинул белый халат и вышел в коридор. Маклайн с Мартой, пытающейся поддерживать его, последовали за ним.

Осматривая разгромленное помещение, Киванов обнаружил за поваленной на пол станиной, на которой прежде был установлен компьютерный терминал, тело Качетряна, полузасыпанное огнетушащим порошком. Его черные волосы слиплись от крови, лужей растекшейся вокруг головы.

Подожли Марта с Маклайном. Марта вскрикнула, зажав рот ладонью, и в ужасе попятилась назад. Маклайн смотрел на тело Качетряна совершенно безумным взглядом и вдруг, схватившись обеими руками за голову, закричал:

– Это просто бред какой-то!

Киванов наклонился и выдернул из груди искореженного металла прут длиной около метра.

– Это тоже двойник! Он убьет всех нас! – завопил Маклайн и, спотыкаясь об обломки пульта, выбежал в коридор.

Марта побежала следом за ним, но Киванов догнал ее в два прыжка, схватил за руку и, протаскивая по коридору, толкнул в кабинет Маклайна.

– Хотя ты-то не сходи с ума! – крикнул он и толкнул ее в кресло. – У чужака плазменный резак! Ты видела, какими ломтями он нарезал пульт? Мне что, с голыми руками идти его искать?

Марта, закрыв лицо ладонями, уронила голову вниз и громко, с подвывом, заплакала.

– Ну все, все, успокойся. – Киванов присел рядом с ней на корточки и погладил по волосам.

Марта подняла голову, размазала слезы по щекам и попробовала улыбнуться.

– Прости, пожалуйста, – сказала она. – Это сделали чужаки?

– Больше никому.

– А где Ален?

– Возможно, он был двойником.

– А настоящий?..

Марта прикусила губу, глаза ее снова наполнились слезами.

Киванов понял, что сейчас лучше не успокаивать ее, а просто говорить о деле.

– Я сейчас уйду, – сказал он. – Надо найти этого чужака. А заодно поищу и Маклайна. Ты закроешь за мной дверь на запор и не будешь открывать ее никому, кто бы ни пришел. Даже если это буду я. Понятно? – Марта кивнула головой. – Откроешь только после того, как я свяжусь с тобой по внутренней связи и скажу: «Марта, сегодня тринадцатое число». Ясно? – Марта снова молча кивнула. – Ну и отлично. А чтобы тебе не скучно было сидеть одной, постараюсь по интеркому найти Кийска, Штрайха и моего близнеца, – что-то он засиделся на кухне. Все. Не скучай.

Выйдя за дверь, Киванов дождался, пока изнутри щелкнул замок, и подергал за ручку двери. Убедившись в ее надежности, он двинулся по коридору в сторону внешнего шлюза: больше всего Борис боялся, что проникший в корпус чужак откроет его. По пути он открывал все двери, но в лабораториях царили тишина и порядок.

Внутренние двери шлюза были закрыты. Киванов проверил штурвал ручного запора – он был закручен до предела.

Внезапно погас свет.

Киванов оказался в непроглядной тьме, которая казалась еще чернее из-за красноватых отсветов, падавших из окон по обе стороны от шлюза. Он прижался спиной к металлической двери и выставил перед собой прут.

Через несколько секунд свет загорелся вновь, – включилась система аварийного энергоснабжения.

Киванов понял свой просчет: пока он искал двойника Палмера в лабораторном корпусе, чужак проник в складской и сейчас орудовал в энергетическом отсеке.

Борис вновь, теперь уже бегом, пересек лабораторный корпус по центральному коридору, пробежал переход между корпусами и, рванув дверь складского корпуса, убедился, что она заблокирована изнутри ручным запором. Киванов со злостью стукнул кулаком по дверному железу и, тяжело дыша, опустился на пол.

Он чувствовал себя подобно кролику, загнанному собаками в нору. Ему казалось, что стены перехода сближаются, свободного пространства и воздуха между ними становится все меньше. Если закроют дверь со стороны лабораторного корпуса, то он навсегда останется в этой трубе. Борис рванул ворот куртки – пластиковые клепки, отлетев, застучали по полу, – поднялся на ноги и пошел назад в лабораторный корпус. Никогда прежде он не замечал у себя симптомов клаустрофобии, но сейчас чувствовал нарастающее желание раскрыть все окна и двери, какие есть на станции, открыть наружный шлюз и выйти на открытое пространство, освободиться от тяжести нависшего над головой, готового рухнуть потолка, от давящих на плечи стен.

Но ведь есть еще жилой корпус. Там должны быть Кийск, Штрайх, второй Киванов. Почему они не возвращаются?

Киванов уже шел по коридору корпуса, когда ему показалось, что он услышал звук бьющегося стекла. Он остановился и прислушался. Снова звякнуло стекло, потом послышалась какая-то возня, упало на пол что-то тяжелое. Звуки доносились из приоткрытой двери химической лаборатории. Прижимаясь к стене, Киванов подкрался к двери и, стараясь остаться незамеченным, заглянул в нее.

В дальнем конце комнаты за письменным столом, лицом к двери, сидел Маклайн. Рядом с ним стоял Палмер.

Киванов впервые видел Маклайна без очков. Глаза профессора были пустыми, остекленевшими, губы перекошены судорогой. Маклайн был мертв.

Палмер повернул голову и встретился с Кивановым взглядом.

– Ну что ты там прячешься, заходи, – приветливо махнул он рукой.

Крепко сжав в руке прут, Киванов шагнул в комнату.

– Что здесь произошло? – спросил он.

– Профессор умер, – скорбно склонив голову, ответил Палмер.

– Как умер?

– Умер.

Киванов подошел ближе и увидел на груди Маклайна черную, обугленную по краям дыру.

– Я думаю, ему даже не было больно. Только немного страшно, – Палмер поднял плазменный резак с бледно-голубым, почти невидимым огоньком на кончике жала.

Киванов, попятившись, перехватил прут обеими руками и выставил его перед собой.

– Что тебе надо? – сдавленно прошипел он.

– Мне – ничего, – чужак криво усмехнулся. – Я всего лишь выполняю задание.

Вдавлив клавишу мощности, он махнул резаком, и оружие Киванова стало на треть короче. Отрезанный конец прута с глухим стуком упал на пол. Продолжая медленно пятиться, Киванов уперся в химический стол.

Чужак приближался, поигрывая резаком. Он то гасил пламя на кончике жала, то, нажимая клавишу на рукоятке, выбрасывал его вперед почти на полметра.

Еще один обрезок металлического прута упал на пол. В руках у Киванова остался кусок длиной не более тридцати сантиметров.

Чужак поднес жало резака к направленному на него концу прута. Металл мгновенно раскалился, побелел, начал оплывать, как воск.

Играл ли чужак со своей жертвой? Лицо его оставалось непроницаемо-спокойным, без малейшего признака каких-либо эмоций.

Киванов протянул руку за спину и, схватив со стола какую-то стеклянную посудину, швырнул ее чужаку в лицо. Чужак произвольным жестом, защищая глаза, вскинул руку, и жало резака на мгновение отклонилось в сторону. Киванов прыгнул вперед, схватился одной рукой за корпус резака, а другой, размахнувшись, вогнал раскаленный металлический штырь как кинжал в глаз чужаку. Раздалось отвратительное шипение, и резкий запах горелой плоти ударил Киванову в ноздри. Чужак протяжно завыл, сделал шаг назад и упал на спину.

Глава 8

Взаперти

Кийск втащил вяло сопротивляющегося двойника Маклайна в столовую и кинул его на стул.

– Присмотри за ним, – сказал он удивленно уставившемуся на них Киванову. – Это двойник. И свяжись с Маклайном. Чужаки перекрыли проход в лабораторный корпус.

Кийск добежал до перехода в складской корпус и удостоверился, что дверь в конце его, так же как и ведущая в лабораторный, закрыта и заблокирована изнутри. Выйдя из перехода, он запер дверь со своей стороны. Прежде чем вернуться, он обшарил все помещения корпуса и еще раз проверил запор шлюзовых ворот.

– Внутренняя связь не работает, – сообщил ему Киванов.

– Так, – Кийск сел, закинул руки за спинку стула и вытянул ноги. – Обе двери в соседние корпуса закрыты. Похоже, нас крепко обложили. Но, по крайней мере, чужаков в нашем корпусе, кроме этого, – кивнул он в сторону одеревенело замершего на стуле с прямой, как доска, спиной лже-Маклайна, – больше нет. Какие будут предложения?

– Ты думаешь, двери заперли чужаки?

– А ты считаешь, что нас приказал изолировать Маклайн?

– У меня уже ужин готов...

– С этим придется повременить.

Мигнув пару раз, погас свет.

Уловив при последней вспышке света движение чужака, Кийск прыгнул на него и, придавив к стулу, схватил за горло.

– Только дернись, я тебе горло вырву, – прошипел он.

– Что бы это значило? – спросил из темноты Киванов.

– Думаю, что ничего хорошего, – ответил Кийск.

Свет загорелся снова.

Киванов облегченно вздохнул.

– Напрасно расслабился, – сказал Кийск, отпуская почти задохнувшегося чужака. – Включилось аварийное освещение.

– Аварийное?

– Вот именно. Энергоблок станции выведен из строя.

– Но это значит...

Киванов умолк, не решаясь высказать вслух то, что и без того было ясно им обоим.

– Это значит, что чужаки расползлись по всей станции, – закончил за него Кийск.

– А что с людьми?

– Либо сидят, запертые где-нибудь в отсеке, как мы с тобой, либо... – Кийск пожал плечами. – Что будем делать? От чужаков нам не отбиться – Лабиринт плодит их со скоростью безумной крольчихи.

– Может быть, спросим у него? – ткнул пальцем в чужака Киванов.

– Бесполезно, – поморщился Кийск. – Он, наверное, и сам-то не понимает, что делает.

– Хотелось бы мне взглянуть на того, кто вообще хоть что-нибудь здесь понимает.

– Ты и твой близнец говорили о каких-то хозяевах Лабиринта, – напомнил Кийск.

– Это были всего лишь слова, – качнул головой Киванов. – Просто нужно было как-то объяснить то, что произошло. Не мог же я сказать, что общался с Лабиринтом, – Борис пожал плечами. – Глупо как-то...

– Может быть, и было глупо – до тех пор, пока Лабиринт не напустил на нас чужаков.

Кийск подошел к лже-профессору и, опершись ладонями о колени, склонился над ним.

– Ну что, господин Маклайн, хотите нам что-нибудь сообщить?

– Вам надо было уйти, – не глядя на Кийска, тихим, бесцветным голосом произнес чужак.

– А вот сейчас я с ним полностью согласен, – повернулся Кийск к Киванову. – Если станция занята чужаками, то нам следует отсюда убираться. Вряд ли мы сможем дождаться корабль СБ, отсиживаясь в каком-нибудь из отсеков. Чужаки нас достанут. Вопрос только в том – куда?

– В Южные горы, – не задумываясь, ответил Борис. – До них не так уж далеко, и там есть где укрыться.

– Для этого нам потребуется вездеход. И нужно попытаться собрать всех наших. Если чужаки отключили энергоблок станции, значит, они уже всюю орудуют в складском корпусе. Так я говорю? – резко обернулся Кийск к двойнику Маклайна.

Тот от неожиданности вздрогнул, судорожно сглотнул и быстро кивнул.

– И ворота его открыты?

Чужак еще раз, так же быстро, дернул головой сверху вниз. Получив необходимую информацию, Кийск потерял к двойнику интерес.

– Вот туда-то мы и попробуем пробраться, – сказал Кийск Борису. – В багажнике одного из вездеходов я оставил плазменный резак. Надеюсь, чужаки о нем не знают. Если резак все еще на месте, то с его помощью мы сможем проникнуть в любой отсек. На кухне есть что-нибудь, похожее на оружие?

– Откуда? – недоуменно пожал плечами Киванов.

– Не знаю откуда, но, думаю, что-нибудь тебе подберем.

Кийск открыл корпус автоматической хлеборезки и снял с оси круглый нож с остро отточенными, загнутыми зубцами.

– Смотри, какая замечательная вещь, – показал он нож Киванову.

– И что с ней делать? Метать в противника?

Кийск опрокинул один из обеденных столиков, отвинтил ножку из пластика и примерил на нее нож от хлеборезки. Ножка оказалась чуть толще, чем отверстие в центре ножа. Ножом Кийск немного обстрогал конец пластиконовой палки, поставил ее вертикально и, приставив сверху нож от хлеборезки, заколотил его рукояткой ножа. Дисковый нож сел прочно, но для надежности Кийск расщепил выступающий из отверстия конец пластиконовой палки, вставил в расщеп вилку и зафиксировал ее концом провода, вырванным из той же хлеборезки.

– Ну как? – Кийск для пробы махнул получившимся оружием.

– Выглядит устрашающе, – усмехнулся мрачновато Киванов. – Вылитый неандерталец.

– Сам ты неандерталец. Держи, – Кийск протянул самодельную секиру Киванову.

– А тебе?

– А мне привычнее с ножом, – Кийск вставил нож в ножны. – Жалко, фонарика у нас нет.

– Скоро уже рассветет.

Кийск подтянул ремень, поправил нож, проверил застежки на ботинках и подвернул рукава куртки.

– Ну, пошли что ли?

Киванов положил секиру на плечо.

– Иво, – сказал он вдруг. – У тебя было пятно на куртке.

Теперь куртка Кийска была совершенно чистой. От кровавого пятна на животе не осталось и следа.

Кийск достал платок, который сунул в карман, обтерев им с ножа кровь чужака. На мятом платке не было ни единого пятнышка.

– Вот так, – довольно подмигнул Кийск Борису. – Они действительно не люди. Улетучилась их кровушка, а выходит, и совесть у меня чиста. Не с живыми существами мы сражаемся, а с фантомами.

Перед тем как уйти, Кийск отвел двойника Маклайна на кухню и, заведя ему руки за спину, привязал их к трубе раковины.

Уже выйдя за порог, он снова вернулся.

– Чуть не забыл, – вытащив из кармана очки, Кийск нацепил их чужаку на нос.

Глава 9

Гибель

Заперев дверь за Борисом, Марта села за стол и включила интерком. Индикатор на панели не зажегся. Марта надавила на клавишу еще раз, сильнее, – прибор не реагировал. Внутренняя связь станции не работала. Марта стукнула кулаком по безжизненно молчащей коробке и, уронив голову на руки, беззвучно заплакала.

Она чувствовала себя запертой в мышеловке, всеми покинутой, брошенной на произвол судьбы, непередаваемо одинокой и несчастной. Страх парализовал ее. Ей было страшно оставаться здесь одной, без связи, в жутком безмолвии, нарушаемом только змеиным шипением системы кондиционирования, но не менее пугающей была для нее и мысль о том, чтобы выйти в коридор, где любой встречный человек мог оказаться безжалостным чужаком, монстром, жутким порождением Лабиринта. Марте вдруг вспомнились слипшиеся от крови волосы Качетряна, темная лужа крови вокруг его головы, и она, уже более не сдерживаясь, зарыдала в полный голос.

Она долго, истерично рыдала, давясь слезами, размазывая их ладонями по лицу. Замолкая на мгновение, переводя дыхание, она с животным страхом прислушивалась к ужасающей тишине и вновь заходила в плаче.

В какое-то мгновение внимание ее привлекло негромкое потрескивание, доносящееся откуда-то сзади, из-за спины. Все еще продолжая всхлипывать, она подняла голову и обернулась.

До стены с большим круглым окном было около полутора метров. Свет в помещении не позволял рассмотреть за стеклом ничего – все тонуло в темно-красном мраке. Но сейчас, прислушавшись, Марта совершенно отчетливо услышала неравномерные щелчки, словно кто-то медленно рвал плотную перфорированную бумагу.

Затаив дыхание, Марта вслушивалась в странные звуки. Она подумала о том, что надо выключить свет и тогда можно будет разглядеть, что происходит за окном, но слабость в коленях и дрожь в низу живота не позволяли ей двинуться с места. Сознание ее превратилось в невероятно спутанный клубок, который крутился одновременно во всех направлениях, наматывая мысли и воспоминания. Клубок становился все больше и плотнее, а голова по мере этого наполнялась тугой, звенящей пустотой, которая давила изнутри на своды черепа. Казалось, еще немного, и швы не выдержат, разойдутся... И тогда наступит покой.

Слезы на глазах Марты высохли. Она смотрела в пустоту, в багровую темноту ночи за окном, забыв о том, где она находится и что с ней происходит. Уголки губ дернулись вверх, изображая блаженную улыбку идиота.

Находясь в состоянии прострации, Марта не видела, как по круглому бронированному стеклу окна ползет тонкая щель с оплавленными краями. Становясь все длиннее, щель пересекала окно по диаметру и описала полуокружность снизу. Нижняя половина стекла упала внутрь помещения. Толстое, тяжелое стекло сначала глухо стукнулось о пол ребром, а затем, качнувшись, упало плашмя, издав громкий, плотный хлопок.

Внезапный резкий звук вывел Марту из погруженности в мир, находящийся за гранью реальности и сознания. Вздрыгнув всем телом, она вскочила на ноги и, еще не поняв, что произошло, оказалась в шаге от оконного проема. Взгляд ее напоролся на встречный холодный, безразличный взор серо-стальных глаз. По другую сторону окна стоял двойник Качетряна, а рядом с ним – женщина с необыкновенно знакомым и одновременно бесконечно чужим лицом.

Только сейчас Марта увидела дыру в стекле. Она снова почувствовала отвратительную слабость в коленях. Плотный резиновый обруч сдавил грудь. Но на этот раз каким-то невероятным внутренним усилием ей удалось подавить в себе предательскую слабость. Во всем теле,

в каждой его клетке, с каждым новым ударом сердца отдавался крик: «Жить! Жить! Жить!» Рыдать, биться в истерике можно будет потом, а сейчас нужно было спасать себя. Спасать себя самой, потому что некого звать на помощь. Да и остались ли еще люди на станции?

Марта медленно, словно боясь вспугнуть двух чужаков за окном, попятилась назад, к двери, выставив позади себя руку. Мозг, работающий на грани срыва, выдал нужное решение, и Марта точно знала, что ей нужно делать.

Она прижалась спиной к стене, и рука ее поползла вверх вдоль дверного косяка, нащупывая приборный щиток.

Тем временем двойник Качетряна перегнулся через оконную раму, бросил на пол плазменный резак и, подтянувшись на руках, пытался найти опору для занесенной ноги.

Марта дернула вниз рычаг аварийной герметизации отсека, и, закрывая проем окна, сверху упал лист брони. Глухо клацнув, он, как сомкнувшиеся челюсти, перерубил тело чужака пополам. Верхняя половина туловища упала вниз, стукнулась головой о лежащую на полу пластину стекла и съехала по нему лицом. Из обрубка бил фонтан крови, заливая стену под окном. Медленно, с невероятным усилием, чужак приподнял голову и глянул на Марту стекленеющими глазами. Нижняя челюсть его отвалилась вниз, и изо рта выплеснулся пузырящийся поток крови.

В этот момент в помещении погас свет.

Марта пронзительно завизжала. Сознание ее живо нарисовало картину, как в темноте ползет к ней перемазанный в крови обрубок чужака. Она подняла вверх рычаг герметизации, отдернула дверной запор и, оттолкнув дверь в сторону, выбежала в коридор.

Почти сразу же включилось аварийное освещение.

Одновременно с этим Марту обхватили сзади сильные, крепкие руки. Одна закрыла рот, а другая сдавила горло.

* * *

Покачиваясь словно пьяный, Киванов вышел из лаборатории.

Перед глазами плыла серая, мутная пелена, сквозь которую отчетливо проступало лишь перекошенное, залитое кровью лицо чужака с железным штырем, торчащим из глазницы. И запах – омерзительный, тошнотворный запах горячей плоти...

Чтобы справиться с накатившимся приступом тошноты, Киванов остановился и сделал два глубоких вдоха.

Вспомнив о плазменном резаке, оставшемся в лаборатории, он вернулся, поднял его с пола и снова вышел в коридор.

Боже, что за кошмар? Что за жуткий сон? Станция, которая казалась маленьким кусочком Земли – теплым, уютным и безопасным, – теперь была завалена трупами. Люди и какие-то непонятные чужаки блуждают по лабиринту коридоров станции, калеча и убивая друг друга. За что? Кому это надо? Лабиринту? Но что такое Лабиринт? Кто построил его? В чем виноват перед ним я, лично я – Борис Киванов? В чем была вина Качетряна и Маклайна? Что случилось с Палмером, Кийском, Штрайхом? А Марта? Марта сейчас одна, запертая в кабинете убитого Маклайна.

Борис подошел к интеркому, закрепленному на стене, и попытался соединиться с Мартой. Связь не работала. Он дошел до двери кабинета и застучал в нее кулаком.

– Марта! Марта, открой! Это я – Борис!

В конце концов он мог просто вскрыть дверь резакom.

Но дверь открыли изнутри.

Первое, что увидел Киванов, переступив порог, была залитая кровью стена. Потом он увидел дыру в оконном стекле и обрубок верхней половины туловища, лежавший на полу в луже крови с руками, судорожно выброшенными вперед.

Киванов посмотрел на Марту. Он был настолько ошеломлен представшей перед ним жуткой картиной, что не знал, что сказать.

– Чужаки вырезали стекло плазменным резаком, – тихо произнесла Марта. – Я включила систему аварийной герметизации. И вот...

Киванова поразило, что Марта совершенно спокойно, без каких-либо эмоций смотрит на ужасное месиво крови и плоти, от одной только мысли о котором его передергивало и к горлу подкатывал кислый комок тошноты. Для себя он объяснил это потрясением, которое ей пришлось пережить.

Борис обнял Марту за плечи, повернул ее спиной к окну и повел в дальний конец кабинета, где находился ряд стенных шкафов.

– Давай-ка поищем, чем это можно прикрыть.

Он отдал Марте плазменный резак и двумя руками широко распахнул створки шкафа.

Чужак приставил жало резака Киванову к спине и включил его на полную мощность.

Бледно-голубая струя жидкого пламени пробила тело человека насквозь. Вцепившись побелевшими пальцами рук в дверки шкафа, Киванов резко дернулся и прогнулся назад. Колени его подломились, он издал глухой короткий полустон-полухрип и рухнул на пол.

Глава 10

Порыв

Прежде чем открыть ворота, Кийск с Кивановым через окна осмотрели прилегающий к корпусу участок каменистой пустыни.

Внешнее освещение не обеспечивалось системой аварийного энергоснабжения, но красно-бурый ночной мрак уже начал розоветь, и фигуру человека вполне можно было бы различить на фоне предраассветного неба. Но никого видно не было.

– Куда же они все подевались? – удивленно прошептал Кийск. – В прошлый раз набросились на нас целой оравой.

Они подошли к шлюзу. Киванов взял свое оружие наиз-готовку. Кийск отвернул штурвал ручной блокировки, вытащил нож, горячим шепотом произнес: «Внимание!» – и включил дверной привод.

Створки дверей разошлись в стороны. Шлюз был пуст. Киванов и Кийск подошли к открытой наружной двери и осторожно выглянули. Никого.

Держась в тени строений, они, так никого и не встретив, добрались до складского корпуса. Двери шлюза были открыты. Кийск осторожно заглянул внутрь.

Все помещение было ярко освещено. Доносились звуки какого-то движения, то и дело раздавался лязг металла, хлопали двери. Чужаков Кийск увидел только двух. Один, двойник Кийска, стоял возле щитка дверного привода и что-то высматривал в глубине проходов между боксами. Другой чужак, двойник Качетряна, ковырялся в моторе ближайшего к шлюзу вездехода.

Кийск наклонился к уху Киванова:

– Ты снимешь того, который у щитка, и сразу же закроешь дверь. Я беру на себя второго и лезу в багажник за резакком. Дальше действуем по обстоятельствам.

Киванов молча наклонил голову.

– И, главное, помни, что они не люди, – Кийск положил руку Борису на плечо. – Это я говорю для того, чтобы в решающий момент у тебя рука не дрогнула. Ну, удачи нам.

Они одновременно бросились в дверной проем.

Двойник Кийска среагировал слишком поздно, – когда он обернулся, Киванов уже замахивался на него секирой. Одним взмахом своего страшного оружия Борис снес чужаку нижнюю челюсть и сразу же хлопнул ладонью по кнопке дверного привода.

Кийск, подбежав к своему противнику, обхватил его левой рукой за горло и несколько раз ударил ножом в живот. Отбросив чужака в сторону, он побежал к третьему в ряду вездеходу. Обогнав его, Кийск уже открыл крышку багажника, когда выскочивший из прохода чужак навалился на него сзади. Не оборачиваясь, Кийск ударил его пяткой в пах и, упав в багажник, ухватился за рукоятку плазменного резака.

Когда он вылез из багажника, его окружали уже трое чужаков. Не разбираясь в лицах, – где чей двойник, – Кийск ударил большим пальцем по тумблеру включения, вдавил до предела клавишу мощности и повел резак полукругом на уровне груди. Не оглядываясь на корчащиеся и хрипящие тела, он запрыгнул в вездеход.

Киванов тем временем успел уложить еще одного чужака и теперь нервно посматривал то в сторону Кийска, то в проход, по которому к нему бежали пятеро чужаков.

Вездеход снес турникет ограждения гаражной площадки и затормозил у шлюза. Киванов запрыгнул на сиденье рядом с Кийском и секирой, с острых зубцов которой еще капала кровь, указал на приближающихся чужаков.

– Ну тут-то вы, ребята, и попались! – азартно крикнул Кийск и бросил вездеход в проход.

Корпус вездехода едва вписался между боксами. Отлетели в стороны сбитые зеркала и боковые фары. Чужаки, не ожидавшие такого маневра, не успели даже развернуться и побежать. Трое из них были сбиты острым, скошенным бампером и попали под колеса. Двое других, попытавшиеся в последний момент укрыться в боксе, оказались размазаны бортом по стене.

Кийск надавил на тормоз и заглушил двигатель. Минуту он напряженно вслушивался в тишину, воцарившуюся на складе, каждую секунду ожидая нового нападения. Но ни единый звук не нарушал безмолвия.

– Ну и шума мы с тобой наделали, – улыбнувшись, подмигнул Борису Кийск. – Похоже, что, кроме нас, здесь больше никого не осталось.

Прежде чем идти в лабораторный корпус, они вернулись к шлюзу и подготовили вездеход для поездки в горы, полностью заправив его баки горючим, загрузив провизию, самое необходимое снаряжение и различную мелочовку, которая тоже могла пригодиться.

На двери, ведущей в переход к лабораторному корпусу, Кийск предусмотрительно срезал штурвал ручной блокировки, – чтобы вновь не оказаться запертыми.

Они шли по коридорам, заглядывая во все помещения. Первым они нашли тело Маклайна. Чуть позже, в разгромленном командном отсеке – мертвого Качетряна. В кабинете Маклайна они увидели вырезанное оконное стекло и тело Киванова, скорчившееся на полу возле шкафа.

Кийск подошел к окну и провел пальцем по оплавленному краю бронестекла.

– Выходит, что резак у них, – сказал он. – Надо убираться со станции как можно быстрее. Здесь мы теперь нигде от них не укроемся.

Киванов ничего не ответил. Он стоял возле безжизненного тела своего двойника. Живой смотрел на мертвого как на подписанный самому себе смертный приговор.

Кийск подошел к нему сзади и тронул за плечо.

Киванов указал рукой на труп, лежавший в расплывшейся луже крови:

– Полно крови, – произнес он деревянным голосом. – Значит, он был настоящим, а я – копия.

– Не говори ерунду. Его убили совсем недавно. – Кийск наклонился, смочил платок в крови и протянул его Киванову. – На, возьми. Потом посмотрим.

Киванов механическим движением сунул платок в карман. Слова Кийска, похоже, не очень его убедили.

В соседней комнате, где они обнаружили труп Марты Ивлевой со свернутой шеей, на них бросился двойник Маклайна, но тут же упал, напоровшись на луч огня из резака Кийска.

– Странно, почему они бросаются на нас с голыми руками? – озадаченно поскреб щетину на щеке Кийск. – Где все резак?

Резаки обнаружились, когда они дошли до конца радиального коридора корпуса. На небольшой площадке, где коридор сворачивал к шлюзу, стояли двое чужаков, двойники Палмера и Киванова, с резаками наперевес. Обернувшись назад, Кийск увидел движущего на них по коридору двойника Штрайха, также вооруженного резаком.

– Сейчас нас здесь почикают, как капусту, – тихо и мрачно сообщил Киванов.

– В разные стороны и в засаду за дверь, – шепотом произнес Кийск.

Киванов понял, что он задумал: единственное, что они могли предпринять в сложившейся ситуации, – попытаться рассредоточить силы противника.

Взглянув еще раз на чужаков, включенные резак в руках которых не оставляли никаких сомнений в их твердом намерении покончить с последними оставшимися в живых обитателями станции, Кийск толкнул Киванова в открытую дверь, одним большим прыжком пересек коридор и влетел в комнату по другую его сторону.

Киванов прижался спиной к стене возле двери, занеся секиру для удара. Едва только в комнату из коридора упала тень, он нанес удар в сторону дверного проема. Удар пришелся

чужаку в переносицу. Чужак истошно заорал. Зазубренный хлебный нож так глубоко вошел в лицевые кости двойника Палмера, что Киванов, пытаясь вырвать свое оружие, втащил чужака в помещение. Ударом ноги он выбил из рук чужака резак и, дернув секиру в сторону, шарахнул врага о стену. Нож вышел из раны, и чужак рухнул на колени. Киванов сверху нанес добивающий удар.

В то же самое время Кийск, перерезав пополам первого вошедшего в комнату чужака, припал к стене и ждал второго. Вдруг он почувствовал спиной нестерпимый жар и едва успел отпрыгнуть в сторону, – стену, в том месте, где он только что стоял, прошло голубоватое пламя.

Услышав, что Кийск отскочил от дверного проема, двойник Киванова вошел в помещение. Чужак и Кийск стояли друг против друга на расстоянии двух метров. Между ними змеились голубоватые нити огня, парировать удар которых было невозможно. Победить в этой дуэли не имел шансов никто: бросившись друг на друга, они оба оказались бы убитыми.

Чужак не ведал ни сомнений, ни страха, и он первым сделал шаг вперед.

Кийск плотнее обхватил рукоятку резака и попытался еще глубже вдавить клавишу мощности, которая и без того была до предела утоплена в своем гнезде.

Появившийся в дверях Киванов взмахом секиры раскроил своему двойнику череп.

Кийск выключил резак и вытер рукавом пот со лба.

– Что же ты резак не подобрал? – укоризненно спросил он Киванова.

Тот посмотрел на свое оружие и пожал плечами.

– Привык я к этой дубинке.

– Пошли отсюда. Хватит искать приключений.

Они подобрали плазменные резаки чужаков и пошли в сторону складского корпуса.

– Подожди! – остановился неожиданно Кийск. – В живых остались только мы двое. Если погибнем и мы, то некому будет предупредить эсбэшников об опасности. Чужаки смогут выдать себя за нас. А что у них на уме, никому не известно.

– Что ты предлагаешь?

– Подпалить станцию!

– И чужаки выдадут себя за несчастных погорельцев.

– Хотя про эсбэшников и рассказывают анекдоты, но не настолько же они глупы, чтобы не суметь определить, что причина пожара – поджог.

– А система пожаротушения?

– Мы устроим такой фейерверк, что никакая противопожарная система не справится!

Они нашли две двадцатилитровые канистры и прошлись по лабораториям, сливая в них все горючие жидкости, какие попадались на глаза. После этого они пошли по коридорам, разливая эту адскую смесь. Остатки они вылили уже в помещении складского корпуса, возле резервуара с горючим. Взяв на складе два баллона с кислородом, они отнесли их в дальний конец лабораторного корпуса и там открыли.

Кийск сел за руль подготовленного вездехода и подогнал его вплотную к дверям шлюза. Киванов поджег лужицу горючей смеси и, посмотрев, как струя огня побежала по проходу между боксами, бросился к шлюзу. Нажав на кнопку дверного привода, он запрыгнул на сиденье рядом с Кийском.

Едва они выехали из шлюза, как на них набросилась целая свора обезумевших чужаков. Они, как камикадзе, бросались под колеса, лезли на борта, цеплялись за кузов. Киванов со своей стороны довольно легко отбивал атаки чужаков, используя плазменный резак. Кийску приходилось труднее. Держа руль одной рукой, он взял в другую нож и рубил им по пальцам рук, цепляющихся за борт.

Картина происходящего была вдвойне ужаснее от того, что жуткое побоище происходило в полном безмолвии, только под звук надсадно рычащего двигателя. Чужаки, падая искалеченными под колеса машины, не издавали ни крика, ни стога.

Наконец вездеход вырвался из плотного кольца беснующихся чужаков и смог набрать скорость. Озверевшая толпа человекоподобных существ осталась позади.

Кийск гнал вездеход в сторону Южных гор.

Позади раздался страшный грохот, и столб рыжего пламени взлетел над развороченной станцией к предрассветному небу.

– Грохнуло, – удовлетворенно произнес Кийск.

– Ты знаешь, Иво, – сказал Киванов. – Я так и не понял, что же здесь произошло? Из-за чего началась эта бойня? Почему разумные существа не смогли договориться друг с другом?

– Где ты увидел разумных существ? Ты называешь разумными тех, что бросались нам под колеса? Двойники – это автоматы, действующие по заданной схеме. Ты наблюдал проявления разума с их стороны? Не больше, чем со стороны посудомоечной машины. Какие-то мифические хозяева, которые послали двойников? Но мы их не видели! Может быть, они такие же машины, только программируемые на более высоком уровне. Возможно, что Лабиринт – это оружие, созданное неизвестной нам цивилизацией, которое производит двойников, кодируя их на убийство пришельцев. Чем не вариант ответа на все вопросы? Разумные стороны всегда могут договориться. Беда в том, что мы столкнулись не с разумом, а с жесткой программой.

– Тогда, может быть, нам, людям, лучше просто убраться с этой планеты?

– Может быть. Я, например, так и сделаю при первой же возможности.

Глава 11

В скалах

День уже полностью вступил в свои права, когда Кийск с Кивановым добрались до подножия Южных гор.

Попетляв по крутым склонам, которые под колесами вездехода осыпались потоками камней, скрывающим все следы, они загнали машину в устье просторной пещеры, невидимой снизу.

– Ты здесь уже бывал? – поинтересовался Кийск, спрыгивая на землю.

– Да, но заходил не очень далеко. Там, – Киванов указал в глубь пещеры, – начинается длинный проход.

– Может быть, у пещеры есть второй выход?

– Не исключено.

– Пойдем посмотрим.

Взяв в руки фонари и плазменные резак, они вошли под гулкие каменные своды.

Некоторое время они пробирались по узкому, петляющему лазу, пригибаясь все ниже, временами едва не становясь на четвереньки, протискиваясь друг за другом между каменными выступами. Но после очередного поворота потолок пещеры резко ушел вверх, стены раздались в стороны, и проход стал свободным.

Пол между тем приобретал все более заметный уклон вниз. Потянуло затхлой сыростью.

– Мы так спустимся к самому подножию горы, – сказал Кийск.

Не успел он произнести эти слова, как сзади на них накатился глухой, раскатистый рокот, своды пещеры содрогнулись, с потолка посыпались струи песка и мелких камней.

Киванов и Кийск встревоженно переглянулись.

– Обвал, – едва слышно прошептал Киванов.

Они бегом бросились назад и через пару сотен метров, в том месте, где ход сужался, наткнулись на глухую стену каменного завала.

Кийск со злостью швырнул резак на пол.

– Ну надо же было так попасться! Надо же было влезть в эту дыру!

– Здесь резак не поможет, – рассудительно произнес Киванов. – Надо поискать другой выход.

– А если его нет?

– Совершенно верно, другого выхода нет, – вмешался в разговор посторонний голос.

Кийск резко обернулся и осветил фонарем проход пещеры. Сзади никого не было.

– Кто здесь? – крикнул Кийск и, наклонившись, подобрал с земли резак.

– Я, – ответил голос.

Голос был спокойный, даже можно сказать приятный, но какой-то неопределенный: он мог принадлежать одновременно и мужчине, и женщине, взрослому и ребенку. К тому же невозможно было определить, откуда он доносится.

– Где ты? Мы тебя не видим! – прокричал Кийск в пустоту пещеры.

– Я здесь, – ответил голос. – А не видите вы меня потому, что я просто Голос. Разве можно увидеть звук?

– Но голос не может существовать сам по себе.

– Почему же?

– Должен быть какой-то источник звуков.

Голос весело рассмеялся.

– А как насчет улыбки Чеширского кота? – спросил он.

– При чем здесь это? – непонимающе взмахнул рукой Борис.

– Вы полагаете, улыбка без кота существовать может, а голос без тела – нет?

– Но это ведь всего лишь сказка!

– Разве?

– Послушайте, – произнес Кийск, обращаясь одновременно к Борису и голосу, звучащему откуда-то из-под сводов пещеры. – Я, честно говоря, вообще не понимаю, о чем идет речь.

– Голос пытается убедить нас в том, что он реально существует, но не имеет при этом никакого материального источника, – объяснил суть проблемы Киванов.

– Ну и что? – недоумевающе пожал плечами Кийск. – Я тоже читал книгу про Чеширского кота. По-моему, довольно убедительный образ.

– Но ведь это сказка! – возмущенно всплеснул руками Борис.

– Во-первых, – назидательно произнес голос, – если вы не встречались с чем-то прежде, то это совсем не означает, что данного предмета или явления не существует вовсе, – назидательным тоном произнес он. – Во-вторых, если нечто противоречит привычным для вас понятиям, подумайте о том, не следует ли их пересмотреть.

– Боюсь, что такая возможность нам теперь представится не скоро, – мрачно усмехнулся Кийск. – А, кстати, как ты попал сюда?

– Наблюдал за вами.

– Кто тебя послал?

– Меня никто не может послать, – голос, похоже, обиделся. – Я сам наблюдал за вами.

– Зачем?

– Мне было интересно.

– И давно ты за нами следишь?

– С тех самых пор, как вы влезли в Лабиринт.

– Ты и про Лабиринт знаешь? – удивился Киванов.

– Конечно. Я с самого начала примерно представлял себе, чем закончится ваша встреча с Лабиринтом. Но я даже не предполагал, что вы продержитесь так долго. Сражались вы великолепно! Жаль, но с самого начала вы были обречены на поражение – силы неравные.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что Лабиринт невозможно победить.

– Лабиринт – боевая машина?

Голос снова рассмеялся.

– Вы даже не смогли постичь суть Лабиринта, а вознамерились победить его, – произнес он с укоризной. – Лабиринт – это первооснова всей Вселенной. Он был уже тогда, когда ничего не было, и, когда вновь ничего не станет, останется только один Лабиринт. Он существует вне времени и пространства и, одновременно с этим, пронизывает своими ходами все времена и измерения. Посредством Лабиринта все события в мире связаны между собой, и именно поэтому Вселенная существует. В противном случае, она давно бы уже взорвалась изнутри миллиардами противоречий и конфликтов.

– Нам ничего не известно о Лабиринте.

– Совсем не обязательно, чтобы о нем знали все. Имеет значение только то, что он существует.

– Но почему Лабиринт хотел нас уничтожить?

– Во-первых, не хотел, а практически уничтожил. Не исключено, что обвал, засыпавший вас в этой пещере, тоже устроен Лабиринтом. Во-вторых, конечно же, он боролся не конкретно с Иво Кийском и Борисом Кивановым, а с неким тревожащим его дестабилизирующим фактором.

– Но в чем причина? Какую опасность мы представляем для Лабиринта?

– Не вы и не для Лабиринта. Это я разговариваю с вами как с людьми, а для Лабиринта вы ничто. Для Лабиринта существует только вся Вселенная в целом. Она – его детище, его

конечная цель. Ради благополучия Вселенной Лабиринт уничтожает миры, что уж говорить о таких букашках, как вы.

– Пусть так, но что Лабиринт намерен делать после того, как уничтожит нас? Завтра сюда прибудет корабль с Земли. Он тоже обречен на гибель?

– Ни мне, ни кому-либо другому сие неизвестно. Лабиринт – это непостижимая перво-причина того, что в мире уже произошло и чему только еще предстоит случиться. Возможно, его интересует ваша планета, а вы – только как ее представители. Так сказать, маленький лабораторный эксперимент.

– Земле угрожает какая-то опасность?

– Вполне вероятно. Но так же может быть, что сама она представляет какую-то угрозу для Вселенной. На эту тему можно строить любые догадки и предположения, но единственный правильный ответ известен только самому Лабиринту.

– И как его узнать?

– Невозможно. Не стоит и пытаться.

– Хорошо. Отложим пока эту тему. Давайте лучше вместе подумаем, как будем отсюда выбираться.

– Для меня не существует проблемы передвижения в пространстве, – ехидно усмехнулся Голос. – Я могу уйти отсюда в любое время, как только пожелаю.

– А вот меня эта проблема просто заела, – с досадой шелкнул пальцами Кийск. – Ты не мог бы предупредить об опасности наших друзей, когда они прилетят сюда, а заодно и сообщить им, где мы находимся?

– Нет! – резко ответил Голос.

– Почему?

– Не могу – и все тут!

– А ты уверен, что у пещеры нет другого выхода?

– Абсолютно. Зато здесь есть другой вход.

– Вход куда?

– В Лабиринт. Вообще-то это не мое дело, – сами впутались, сами и выбирайтесь. Но мне понравилось, как вы сражались!

– И ты проводишь нас по Лабиринту на поверхность?

– Нет. По Лабиринту вы пойдете одни, и куда он выведет вас, я не знаю.

– А куда можно попасть через Лабиринт?

– Куда угодно. Это непредсказуемо. Но разве у вас есть другой выход?

– Похоже, что нет.

– Ну так что?

Кийск с Кивановым переглянулись.

– Идем? – спросил Кийск.

– А что нам еще остается, – ответил Киванов.

– Ну вот и отлично! – обрадовался Голос. – Положите, пожалуйста, на пол свои фонари и плазменные резак.

– Мы возьмем их с собой, – сразу же насторожился Кийск.

– В таком случае, мы никуда не идем, – непреклонно заявил Голос. – Вы уже один раз влезли в Лабиринт с плазменными резаками, и, сами видите, что из этого получилось.

– Но фонари?..

– В Лабиринте вам фонари не понадобятся, а до входа я вас провожу.

– Снова ультиматум, – недовольно проворчал Кийск и бросил резак на пол.

Фонарь он положил на землю так, чтобы он светил в глубь пещеры. Так же поступил и Киванов.

– Вперед! – сказал Голос.

Вскоре свет фонарей померк где-то далеко за спиной. Они шли, держась руками за стены, осторожно нащупывая ногами дорогу.

– Идите спокойно. Дорога здесь ровная, потолок высокий, крутых поворотов нет, – говорил Голос, двигаясь чуть впереди. – Сюда, сюда, – звал он, и они шли все дальше и дальше.

– Стоп! – скомандовал Голос. – Теперь поверните направо.

Люди выполнили команду.

– И три шага вперед.

Шагнув, они оказались в квадратном коридоре с гладкими, светящимися стенами.

– Ну вот и все, – сказал Голос. – Теперь я вас покидаю. Дальше пойдете одни.

– Скажи хотя бы, в какую сторону? – попросил Киванов.

– Без разницы, – ответил Голос. – До свидания. Может быть, еще когда-нибудь поговорим. Мне очень понравилось, как вы сражались!

И голос растаял.

– Куда пойдём? – спросил Кийск.

– Прямо, – вытянул руку указал направление Киванов.

– Отличная мысль! – горячо поддержал его решение Кийск. – Вперед!

– Одну минуту, – Киванов принялся сосредоточенно рыскать по карманам. – Ч-черт! – в сердцах выругался он. – Платок потерял.

– Нечем утереть слезу расставания?

– Платок с кровью моего двойника. Я так и не узнал, кто из нас настоящий.

– Брось, – усмехнулся Кийск. – Какая теперь разница. Теперь ты остался один, значит, ты и есть настоящий.

И они пошли вперед, сопровождаемые плывущим по периметру коридора светом.

* * *

Из рапорта Специальной комиссии Совета безопасности по планете РХ-183.

«...Корабль со Специальной комиссией Совета безопасности прибыл на планету РХ-183 для проверки сообщения работающей на планете комплексной экспедиции под руководством профессора Эмерсона Маклайна, касающегося феномена, названного «Лабиринт».

При посадке корабля произошла авария. По причине того, что вторая посадочная опора не вышла из гнезда, корабль начал опасно крениться на бок. Пилот был вынужден включить маршевый двигатель. В момент отрыва корабля от грунта, когда крен еще не был выровнен, вторая посадочная опора вышла из гнезда и уперлась в грунт. Корабль развернуло вокруг опоры и его кормовая часть врезалась в лабораторный корпус станции.

В результате аварии была значительно повреждена станция и погибли все находившиеся на ней участники комплексной экспедиции:

Эмерсон Маклайн

Иво Кийск

Ален Палмер

Карен Качетрян

Борис Киванов

Марта Ивлева.

...По факту сообщения комплексной экспедиции о феномене, названном «Лабиринт», все эксперты комиссии Совета безопасности в результате тщательного расследования пришли к единому мнению, что названное явление на планете РХ-183 отсутствует. Возможно, за так называемый «Лабиринт» были приняты пещеры в горах, имеющие разветвленную структуру, но, несомненно, естественного происхождения...

...Дальнейшие работы на планете РХ-183 следует признать бесперспективными...»

Часть 2

Колония

Глава 1

Безнадежность и отчаяние

Первую половину дня Кийск провел с психотехником. Он полулежал в глубоком гидрокресле с прилепленными к вискам датчиками и смотрел, как по потолку медленно плывут размытые цветные тени от тусклого вращающегося светильника, что стоял в углу на столике. Психотехник, расположившийся за спиной Кийска, тихим, ровным и абсолютно невыразительным голосом задавал вопросы. Сколько бы времени ни понадобилось Кийску на размышление, он всегда молча, терпеливо ждал ответа. Вопросы следовали вперемежку, без какой-либо явной системы, то и дело повторяясь, будучи несколько иначе сформулированы. Чтобы ответить на них, Кийску приходилось переноситься мысленно то в далекое детство, то в годы учебы, то во времена службы в отряде галактической разведки. Порой психотехник спрашивал о таких вещах или событиях, которые сам Кийск давно успел забыть и, как ни пытался, не мог вспомнить. Кийск недоумевал: для чего нужно выуживать из него все эти сведения, если здесь о нем знают больше, чем он сам? Но психотехник на его вопросы никогда не отвечал, как будто и не слышал их. За все достаточно продолжительное время их встреч Кийску не удалось даже узнать его имени. Глебов же, с которым Кийску приходилось общаться чаще всего, сказал, что работа психотехника не входит в сферу его компетенции. Психотехник нравился Кийску больше, потому что, по крайней мере, не врал.

Настойчиво и дотошно копаясь в деталях жизни Кийска, психотехник никогда не затрагивал того, что произошло на планете РХ-183. Даже когда Кийск своими ответами пытался спровоцировать его. Тема эта, похоже, была для него закрытой.

За три с половиной месяца, проведенные за плотно закрытыми дверями в стенах Совета безопасности, Кийск так и не смог уяснить структуру и методы работы этой организации. Вопросы ему задавали без конца, и не только психотехник, но никто не хотел что-либо объяснить ему.

Роль ненавязчивого собеседника должен был играть Глебов, который осуществлял постоянный контроль за Кийском. Для себя Кийск окрестил его «главным надзирателем». Слушал Глебов внимательно, с мягкой, благосклонной полуулыбкой, но вытянуть из него что-нибудь достоверное было практически невозможно. Он умел говорить убедительно, пространно, но после разговора с ним Кийск понимал, что не узнал ничего нового.

С Кивановым их в первый же день развели в разные комнаты, и с тех пор они больше не виделись. Кийску сказали, что с Борисом все в порядке, но им занимается другой отдел.

Кийска поместили в двухкомнатную жилую секцию, обставленную так, что она вполне могла бы сойти за номер «люкс» в каком-нибудь фешенебельном отеле, если бы у нее были окна и не дежурил круглосуточно у двери молчаливый лейтенант с каменно-невозмутимым лицом из спецподразделения «Х» сухопутных войск, одетый по полной форме и с пристегнутым к поясу парализатором дальнего действия.

С положением почетного заключенного свыкнуться Кийск не мог, но понимал, что изменить что-либо пока не в его силах.

После обеда, который как обычно доставил безмолвный лейтенант, пришел Глебов.

Судя по тому, как уверенно он раздавал приказы, Глебов имел не самый низкий ранг в иерархии Совета безопасности, но являлся он исключительно в штатском. При этом одежде

его кто-то старательно придавал поношенный вид, дабы создать впечатление, что она является повседневной.

– Как жизнь, как настроение, Иво? – жизнеутверждающе улыбаясь, поинтересовался Глебов.

– Прекрасно, господин Глебов, – не поднимаясь с дивана, ответил Кийск.

С самого начала их знакомства Глебов решительно повел общение в манере старого, доброго знакомого и в отсутствие посторонних всегда называл Кийска только по имени. Того же он добивался и от Кийска, но тот упорно придерживался строго официальной линии общения.

Да, Кийск понимал, что Совет безопасности – организация серьезная и занимаются здесь отнюдь не детскими играми. Но почему к нему относятся здесь как к врагу? Почему их с Кивановым изолировали друг от друга и держат взаперти, под охраной? Почему то, что он рассказывает, неизменно воспринимается как заведомая ложь?

– Нас ждут в зале совещаний, – сказал Глебов. – Вы готовы?

– А разве у меня есть выбор? – вяло пожал плечами Кийск.

– Сегодня вы встретитесь с новыми людьми, – Глебов снял со спинки стула пиджак и подал его Кийску. – Возможно, они станут задавать вопросы, на которые вы отвечали уже много раз. Все это, должно быть, изрядно вам надоело. И, тем не менее, Иво, прошу вас, будьте предельно сосредоточены и внимательны. Возможно, сегодняшняя встреча в значительной мере определит то, что ожидает вас в дальнейшем.

– Мне наконец-то вынесут приговор? – мрачно пошутил Кийск.

Лицо Глебова расплылось в улыбке.

– Мне импонирует ваше пристрастие к черному юмору.

Когда Кийск в сопровождении Глебова вышел из комнаты, дежуривший у двери лейтенант окинул его придирчивым взглядом, точно строгая мамаша, провожающая дочь на первый бал, но, как обычно, остался безмолвен. Глебов вызвал лифт. Кийск давно уже обратил внимание на то, что стоило только Глебову нажать кнопку вызова, как двери лифта тотчас же открывались. Еще ни разу им не пришлось ждать, как будто лифт, которым пользовался Глебов, был предназначен только для него одного.

Зал, в который доставил Кийска Глебов, был знаком ему едва ли не до боли. Освещение в зале было неярким, чуть зеленоватым. Должно быть потому, что психологи считают, будто зеленый цвет действует на людей успокаивающе. Всю дальнюю стену занимал огромный экран. В центре стоял подковообразно изогнутый стол.

Войдя в зал, Кийск, не дожидаясь приглашения, занял свое обычное место на стуле, установленном в центре подковы. Глебов подошел к правому от Кийска краю стола.

За столом сидело пять человек. Двое из них были знакомы Кийску. Сидевший слева, почти на самом углу, маленький, щуплый, с редкими серыми волосами, зачесанными так, чтобы маскировать плешь на затылке, не пропустил ни одной встречи с Кийском. Он всегда занимал одно и то же место, никогда ничего не говорил, но, то и дело бросая на Кийска быстрые взгляды, что-то старательно строчил в тонких ученических тетрадах. Того, что сидел рядом, – высокого, сухопарого, с орлиным профилем и седыми волосами, стриженными так коротко, что череп его казался голым, – Кийск видел раз пять или шесть, в самом начале своего пребывания в Совете безопасности. Кийску он тогда показался похожим не на эсбэшника, а на кадрового военного. Вопросы он задавал дельные и ответов требовал конкретных, но спустя какое-то время перестал показываться.

Глебов непременно представлял Кийску новых людей, но имена, называемые им, были либо подчеркнуто безликими, либо надуманно вычурными, так что явно не имело смысла пытаться запоминать их.

Традиция не была нарушена и в этот раз.

– Господин Кийск, позвольте представить вам господина Смита, – жест рукой в сторону молодого брюнета. – Господина Ли, – рука переместилась в сторону человека крепкого телосложения с восточными чертами лица. – И господина Штраггратерна, – Глебов указал на пожилого, спокойного человека, похожего на школьного учителя астрономии.

Сам Кийск, судя по всему, в представлении не нуждался.

Посчитав на этом свою миссию исчерпанной, Глебов сел.

Какое-то время Кийска просто молча рассматривали.

Кийск скосил глаза налево, и ему показалось, что он заметил, как высокий, которого он считал военным, ободряюще подмигнул.

– Господин Кийск, – начал Смит. – Мы видели видеозаписи предыдущих бесед с вами, и у нас возникли вопросы, которые мы хотели бы задать вам лично.

– Прошу вас, – сделал приглашающий жест Кийск.

– Правильно ли мы поняли: Лабиринт – это не некое абстрактное понятие, а реально существующие ходы сквозь пространство?

– Именно так. Не с помощью же абстрактных формул мы с Кивановым попали с РХ-183 на Землю.

– Ваш путь в Лабиринте занял три дня. Как вы определяли время?

– У Киванова были часы.

– Вы уверены, что в Лабиринте часы показывали правильное время?

– Нет. Хотя во время ранних посещений Лабиринта никто не замечал сбоев в работе часов.

– Три дня вы ничего не ели и не пили?

– Да. Пока мы находились в Лабиринте, мы не чувствовали ни голода, ни жажды.

– Чем вы это объясняете?

– Возможно, Лабиринт влияет как-то на физиологию.

– За три дня вы пешком проделали путь, который у космического корабля занимает девять дней, – перехватил у Смита эстафету Ли. – А на Земле за это время прошло почти десять лет. Вам не кажется это странным?

– «Станным» – это, пожалуй, слишком мягко сказано, – усмехнулся Кийск. – У меня это просто не укладывается в голове.

– И все же?

– Если вы хотите, чтобы я вам объяснил, как такое могло произойти, то у меня ответа нет. Все дело в свойствах Лабиринта.

– Что вы имеете в виду?

– То, что его ходы проходят не только сквозь пространство, но и сквозь время.

– На удивление простое и ясное объяснение, – голосом, лишенным каких-либо интонаций, произнес Смит.

Только едва заметный прищур выдавал его истинное отношение к словам Кийска.

– А вы попробуйте предложить другое, – неожиданно встал на сторону Кийска молчавший до сих пор третий, с труднозапоминаемым именем, похожий на учителя. – Просматривая беседы с вами, – обратился он к Кийску, – я заметил, что, говоря о Лабиринте, вы наделяете его личностными свойствами. Вы употребляете такие выражения, как «Лабиринт решил», «Лабиринт дал нам понять», «Лабиринт сделал то-то и то-то». Похоже, что вы считаете Лабиринт самоорганизующейся структурой?

– Для меня в этом нет никаких сомнений. Я не представляю себе его природу: был ли он кем-то создан или же возник одновременно со всей Вселенной? Не знаю. Голос в пещере говорил, что Лабиринт существовал всегда. Но я знаю, что он способен собирать информацию, принимать на основе ее решения и конкретными действиями воплощать их в жизнь.

– Получается, что на Лабиринт можно оказывать воздействие?

– Конечно. Свидетельством тому является то, что произошло с нами. Все дело в том, как предугадать, к каким последствиям приведет то или иное воздействие на Лабиринт?

– А как вы сами оцениваете то, что произошло с вами?

– По-моему, вначале Лабиринт не придавал большого значения нашему появлению. Решающим моментом стал тот, когда Киванов проник в треугольный зал с зеркалами. По-видимому, это был какой-то ключевой узел, или, если хотите, орган Лабиринта. Его ответные действия сейчас кажутся мне похожими на реакцию иммунной системы организма, отвечающей на проникновение в него чужеродных микроорганизмов. Они были как будто неосознанными, инстинктивными. Ведь с его возможностями он мог разделаться с нами намного более простым и эффективным способом, чем натравливая на нас двойников.

– Тем не менее вам было передано послание, – заметил Ли. – Следовательно, Лабиринт понимал, что имеет дело с мыслящими существами.

– Только неизвестно, насколько высоко он оценил наши умственные способности. Особенно после того, как мы отказались выполнять его требования, – ответил Кийск.

– Требования, как я понял, были весьма резкими и при этом не было дано никаких объяснений.

– Когда хотят прогнать надоедливую собаку, ей тоже ничего не объясняют, просто замахиваются палкой и кричат: «Пошла вон».

– Хорошо, взглянем на это с другой стороны, – подался вперед Смит. – Почему Лабиринт, сначала пытавшийся убить вас, позволил вам с Кивановым пройти по своим ходам и вернуться на Землю?

– Он не просто позволил нам вернуться, но и сам провел нас. Трудно предположить, что, двигаясь наугад, мы сами выбрали правильную дорогу. То, что Лабиринт смог понять, куда мы хотим попасть, и указал нам верное направление, лишний раз подтверждает то, что он нечто большее, чем просто система ходов.

– Что же он такое? – опередив Смита, спросил учитель астрономии.

Кийск скривил губы и покачал головой. Если бы кто-нибудь другой из присутствующих задал тот же самый вопрос, Кийск предложил бы ему самому ползти по Лабиринту, а после попробовать дать ответ. Но пожилой Штраггратерн, – так, кажется, обозначил его Глебов, – почему-то внушал Кийску доверие. Несмотря на кажущуюся мягкость и добродушие, в нем чувствовалась внутренняя сила, уверенность в себе, умение переубедить, настоять, склонить на свою сторону. Не то что этот самоуверенный всезнайка Смит, которого Штраггратерн легко задвинул на второй план.

– Лабиринт – это чрезвычайно сложная самоорганизующаяся структура, осуществляющая глобальный план эволюции Вселенной. Это лично мое мнение. Сначала мне сказал об этом Голос, потом, находясь в Лабиринте, я убедился в этом сам.

– Убедились?

– Именно. Называйте это как вам нравится: внушение, догадка, озарение, – но это не бред. Как функционирует Лабиринт, кем он был создан, в чем заключается его конечная цель – ничего этого я не знаю. Но в том, что сказал, уверен.

– Скажите, господин Кийск, – неожиданно подал голос военный. – Как вы оцениваете тот факт, что Лабиринт вернул вас на Землю: положительно, отрицательно или нейтрально? Конечно, я имею в виду значение его не лично для вас.

– Отрицательно, – без раздумий ответил Кийск.

– Благодарю вас, – едва заметно кивнул военный.

– Ну почему же отрицательно? – удивленно вскинул густые темные брови Смит. При этом его вопросительный взгляд был почему-то устремлен не на Кийска, а на Ли. – Лабиринт признал в вас разумных существ и помог вернуться домой. Что же в этом плохого? Я бы скорее оценил это как первый односторонний контакт.

– Не вижу ничего хорошего в том, что Лабиринт заинтересовался людьми, – устало ответил ему Кийск. – Вас устраивает жизнь под дамокловым мечом неизвестного, неведомо кем и для чего составленного плана? А что, если, по мнению Лабиринта, идеалом является безжизненная планета?

Глава 2

Неожиданное предложение

Беседа продолжалась более трех часов все в том же ключе. Кийск вернулся в свои охраняемые апартаменты уставшим и вымотанным. Скинув пиджак и расстегнув воротник рубашки, он упал в кресло и включил телевизор. Он не слышал, о чем спорят скользящие по экрану тени, ему просто был нужен шумовой фон, который помог бы избавиться от собственных мыслей, сверлящих мозг, как черви переспелое яблоко.

После каждой новой встречи с какими-то важными людьми, прячущимися за псевдонимами, Кийск все более утверждался во мнении, что, как только эсбэшникам удастся найти какое-нибудь, похожее на рациональное, объяснение тому факту, что среди руин станции на РХ-183 был найден труп его двойника, они тут же удовлетворенно хлопнут в ладоши и со спокойной совестью упекут своего подопечного в дурдом. Казалось, эсбэшников нисколько не волнует потенциальная опасность, таящаяся в Лабиринте. Вместо того чтобы заниматься делом, они упорно продолжают искать нестыковки и противоречия в словах Кийска.

От мрачных раздумий отвлек стук в дверь.

Глебов имел привычку, постучав, тут же открывать дверь. Но на этот раз она осталась закрытой. Кийск с интересом ждал продолжения.

Дверь чуть приоткрылась, и в комнату заглянул Штраггратерн.

– Вы разрешите? – спросил он негромко, так что Кийск едва расслышал его слова за шумом телевизора.

Кийск поднялся из кресла и знаком пригласил войти.

Следом за Штраггратерном в комнату вошли Глебов и присутствовавший на недавней беседе высокий человек, которого Кийск продолжал называть про себя военным.

Войдя в комнату, Штраггратерн слегка поморщился.

– Нельзя ли сделать потише? – попросил он, указав на орущий телевизор.

Кийск взял пульт и выключил его.

Штраггратерн неторопливо подошел к столу, взял стул и осторожно, словно опасаясь, что ножки его могут подломиться, присел на самый краешек. Рядом с ним уверенно опустился на стул военный. Глебов хотел было присоединиться к ним, но Штраггратерн окинул его быстрым взглядом и коротко бросил:

– Вы пока свободны.

Не подавая вида, что обижен столь пренебрежительным отношением к своей персоне, Глебов молча вышел за дверь.

– Присаживайтесь, господин Кийск, – Штраггратерн указал рукой на кресло. – Разговор у нас, должно быть, получится долгим.

Кийск сел в кресло и, наклонившись вперед, оперся локтями о колени. Нервная струна внутри у него часто вибрировала. Гости, которые, не повышая голоса, выставляют Глебова за дверь, явно пришли к нему не за тем, чтобы продолжить трудоемкий процесс переливания из пустого в порожнее, начатый еще в зале для совещаний.

В подтверждение догадок Кийска Штраггратерн достал из кармана и поставил на стол стального цвета коробочку глушилки. Как только он нажал на ней кнопку, все «жучки», облюбовавшие жилище Кийска, на время умерли.

– Вы не возражаете? – указав взглядом на глушилку, спросил Кийска Штраггратерн.

– Напротив – рад, – улыбнулся Кийск.

Штраггратерн удовлетворенно наклонил голову.

– Итак, по обоюдному согласию, разговор наш будет конфиденциальным.

Кийск кивком подтвердил свое согласие.

– Полковник Масякин, которого я пригласил присутствовать при нашем разговоре, командует войсковым подразделением особого назначения в составе СБ. Меня Глебов окрестил Штраггратерном, можете в дальнейшем так меня и называть. Я руковожу Семнадцатым отделом Совета безопасности. Нас называют чистильщиками, потому что в наш отдел передаются дела, безнадежно зашедшие в тупик. Мы должны либо заново раскрутить их и довести до ума, либо окончательно поставить на них большой, жирный крест. Не знаю, господин Кийск, как вы к этому отнесетесь, но ваше дело также передано в мое ведение.

– И чем мне это грозит? – поинтересовался Кийск.

– Для начала, я хочу объяснить, почему так случилось. Прежде всего, это полное отсутствие каких-либо материальных подтверждений вашей истории. Если, конечно, не считать таковыми вас самого и Киванова. Моих коллег, занимавшихся вашим делом, вполне можно понять: вы рассказываете о грандиозном строении, охватывающем, по вашим словам, всю Вселенную, о котором люди ничего не знают, никогда о нем не слышали и нигде не встречали следов его деятельности. Экспедиция на РХ-183, как установила вполне компетентная комиссия, погибла в результате несчастного случая. Тела погибших кремированы, так что нет никакой возможности провести повторное опознание тела, принятого за ваше. Специальный отряд СБ, обследовавший планету после гибели экспедиции, не обнаружил ничего похожего на то, что вы называете Лабиринтом. Так же не было обнаружено никаких аномалий на Земле, в зоне, где, по вашим словам, вы с Кивановым вышли из Лабиринта.

– Почему же, в таком случае, нас с Борисом продолжают держать здесь?

– Существует несколько причин. Во-первых, вы утверждаете, что имели контакт с чужим разумом, возможно, враждебным, и работавшие с вами психотехники уверены, что это не бред сумасшедшего. Но, в то же время, они не исключают возможность тщательно продуманной преднамеренной мистификации. Во-вторых, если исходить из того, что настоящий Иво Кийск погиб на планете РХ-183, кто, в таком случае, вы? Ваша личность до сих пор не установлена. В-третьих, тщательное всестороннее обследование Бориса Киванова установило, что некоторые физиологические показатели его организма отличают его от обыкновенного человека. Например, любые клетки его тела вне организма лизируют за считанные минуты, что, с одной стороны, подтверждает ваш рассказ об обесцвечивании крови двойников, но в то же время опять-таки не дает права безоговорочно утверждать, что Киванов – искусственное существо, созданное Лабиринтом. Положение, как вы сами видите, весьма неопределенное. Нет причин держать вас здесь и, вместе с тем, невозможно отпустить вас. Вот вас и отдали нам, чистильщикам.

– Выходит, что мы с Борисом обречены на пожизненное заключение? – сделал свой вывод из услышанного Кийск.

– Вполне возможно, – не стал переубеждать его Штраггратерн. – Но я хочу дать вам шанс. Работа чистильщика научила меня бдительности. Не скажу, что я безоговорочно верю вам, но, если даже часть того, что вы рассказываете, – правда, последствия пренебрежения ею могут оказаться катастрофическими. Мое мнение разделяет и полковник Масякин. Полковник обещал нам свою поддержку. Неофициальную.

Штраггратерн напоминающе постукал длинным указательным пальцем по серому прямоугольнику глушилки.

Полковник решительно кивнул.

– Что я должен сделать? – спросил Кийск.

– Лабиринт скрыт от людей. Ни на Земле, ни на какой другой планете, ни где-либо в космосе люди не встречали его. Однако на планете РХ-183 ваша экспедиция всего за две с небольшим недели обнаружила два входа в Лабиринт. Как по-вашему, почему так произошло?

– Возможны два ответа: либо просто настало время нам встретиться, либо планета РХ-183 для чего-то нужна Лабиринту. Мне лично наиболее вероятным представляется второй вариант. Иначе трудно объяснить, почему Лабиринт так старательно выпроваживал нас с нее?

– Я тоже так думаю. Тем не менее на РХ-183 вот уже почти три года существует колония...

– Что? – Кийск дернулся так, словно его внезапно прошел удар тока. – Колония на РХ-183?

– Да. Небольшая, около пятисот человек.

– Но это же безумие! Бог знает, что может с ними там произойти!

– Пока ничего не произошло. От них не поступало никаких сообщений о чем-либо странном или необычном. Ничего похожего на Лабиринт они не нашли. Кстати, это так же говорит не в вашу пользу.

– Чем они там занимаются?

– Наверное, молятся. Это религиозная секта. Ее глава и основатель Бенджамин Кул несколько лет назад едва не попал под суд. Против него было выдвинуто обвинение в незаконном использовании мнемостимуляторов во время религиозных обрядов. Однако на предварительном слушании дела ни один из прихожан не дал свидетельства против Кула, в связи с чем дело было приостановлено. Кул поспешил убраться подальше и вместе со своими последователями перебрался на РХ-183. Планета, как вам известно, пуста и безжизненна, основание и содержание на ней постоянной колонии требует значительных финансовых вложений, в связи с чем Департамент колоний и не торопился осваивать ее. Когда же некий Благотворительный фонд содействия освоению планет обратился в Департамент с просьбой предоставить ему лицензию на право основания временного поселения на одной из дальних планет, чиновники с радостью предоставили им это право, выписав документы на РХ-183. Фонд этот, кстати сказать, тоже довольно сомнительная организация, прокручивающая через свои банковские счета огромные денежные массы не всегда понятного происхождения, взял на себя и финансирование колонии.

Кийск решительно встал, подошел к столу и, подавшись вперед, уперся в него кулаками.

– Колонию следует срочно эвакуировать.

– На каком основании? – пожал плечами Штраггратерн. – В Департаменте колоний, само собой, не пришли в восторг, узнав, что за колонисты поселились на РХ-183. Представители Департамента имеют право инспектировать колонии, основанные по их разрешению, однако лишить колонистов лицензии до истечения оговоренного срока можно лишь при наличии достаточно веских на то причин. Поскольку официальным учредителем колонии является Благотворительный фонд, исправно выплачивающий ежегодную ренту, а Кул – всего лишь назначен представителями фонда на должность управляющего колонией, все попытки Департамента закрыть колонию на РХ-183 до сих пор заканчивались безрезультатно. Кто или что может заставить колонистов покинуть планету?

– Лабиринт, – тихо произнес Кийск.

– Или введение особого статуса планеты, – добавил полковник.

Это были первые слова, произнесенные им в комнате Кийска, поэтому и Кийск, и Штраггратерн воззрились на него, ожидая продолжения. Но полковник, похоже, не имел намерения что-либо добавить к сказанному.

– Я сотни раз говорил на этих бестолковых совещаниях, что РХ-183 следует объявить запретной планетой, – сказал Кийск.

– Когда вы объявились на Земле, колония на РХ-183 уже существовала. Вы, должно быть, забыли о своей потрясающей способности прыгать сквозь время. Присвоить РХ-183 особый статус, закрыть на планете колонию и эвакуировать в принудительном порядке ее жителей можно только в том случае, если будет найден Лабиринт. Поисками его я вам и предлагаю заняться.

– Почему вы думаете, что мне повезет больше, чем эсбэшникам?

– Элементарная теория вероятности. Если вам уже дважды удалось войти в Лабиринт, вполне вероятно, что и снова получится.

– Первый вход в Лабиринт обнаружил Качетрян, второй нам показал Голос.

– Кстати, этот ваш Голос тоже любопытный объект. Впрочем, мне уже доводилось слышать о голосах, звучащих из пустоты, так что пока это оставим. А что касается Лабиринта, то во второй раз он не только впустил вас, но и проводил до Земли. Может быть, вы ему чем-то приглянулись?

– Со мной был Киванов. Если он действительно двойник, то, вполне возможно, что дело именно в нем.

– Может быть, в нем, а может быть, и нет. Чем гадать, не лучше ли попробовать?

– Вы хотите отправить нас с Борисом на РХ-183?

– Нет, Киванов с вами не полетит.

– Почему? Вдвоем у нас будет вдвое больше шансов найти вход в Лабиринт.

– Видите ли, господин Кийск, я и вас-то одного не имею права выпускать из этого здания. То, что я собираюсь сделать – грубейшее нарушение всех правил безопасности. Если кому-то об этом станет известно, одним только отстранением от должности я не отделаюсь. Я уже не говорю о том, какие будут последствия, если, не дай бог, вы исчезнете. Мне кажется, что на вас я могу положиться. В отношении Киванова у меня такой уверенности нет.

– Я могу поручиться за Бориса.

– А если тот, о ком идет речь, вовсе не Борис Киванов, а двойник?

– Мы вместе вырывались с осажденной двойниками станции. Он спас мне жизнь, убив двойника. Если даже его создал Лабиринт, то в этом случае он создал человека.

– Господин Кийск, – властно прервал его Штраггратерн. – Я не собираюсь обсуждать с вами человеческие качества Киванова. Мы сейчас не в зале для совещаний. – Он выдержал недолгую паузу и коротко приказал: – Сядьте.

Кийск послушно сделал шаг назад и опустился в кресло.

– Полковник Масякин отрекомендовал мне вас как человека выдержанного и рассудительного. Хотелось бы верить, что он не ошибся. Если вы принимаете мое предложение, то только полностью, без каких-либо оговорок, на тех условиях, которые поставлю я. В противном случае будем считать, что этого разговора просто не было. Это, надеюсь, понятно?

– Да, – ответил Кийск.

– Чудесно. Вы готовы лететь на РХ-183?

– Да.

– Отлично, Иво, – ободряюще подмигнул ему полковник.

– Можно подумать, что вы сомневались в моем ответе, – натянуто улыбнулся Кийск.

– Никогда. Я говорил, что вы согласитесь лететь даже в пасть дьяволу, лишь бы только вырваться отсюда.

– В сторону досужие разговоры, – постучал ладонью по столу Штраггратерн. – У нас не так много времени. Как я уже неоднократно повторял, вся задуманная нами операция будет проводиться в полнейшей секретности. Поэтому вас, Кийск, завтра переведут в сектор с усиленной охраной. Основания для этого я подготовил. Охрану там несут подчиненные полковника Масякина, так что если наш план провалится, то и его репутация будет растоптана. Через пять дней на РХ-183 отправляется инспектор по делам колоний. Обычная плановая проверка. На планете он пробудет неделю или, если потребуется, чуть дольше. Пока инспектор занимается своими делами, вы займетесь поисками Лабиринта. Инспектору будет известно только то, что вы представитель Совет безопасности, выполняющий задание, о котором ему знать не положено. Никто не станет задавать вам никаких вопросов. А если все же будут спрашивать, то, надеюсь, вы сумеете это пресечь. Постарайтесь вести себя спокойно, незаметно, не привлекая

к своей персоне особого внимания. Детали мы обговорим с вами позже. Какие-нибудь вопросы на данном этапе есть?

– Вы посылаете меня одного? Несмотря на возможные неблагоприятные для вас последствия?

– Команду корабля, на котором вы летите, составляет взвод десантников. Подчиняются они непосредственно инспектору. Одним из них будет человек полковника Масыкина, которому поручено наблюдать за вами. Если возникнет необходимость, он вступит с вами в контакт.

– А если такая необходимость возникнет у меня?

– Мы договоримся о знаке, с помощью которого вы сможете дать нашему человеку знать, что вам необходима помощь. Причина, которая заставит вас воспользоваться им, должна быть очень веской. В противном случае мы прерываем ход операции.

– Что я должен сделать, если найду Лабиринт?

– Свяжетесь с нашим человеком, он будет знать, что делать.

– А что будет, если за отведенный срок я не найду Лабиринт?

Прежде чем ответить, Штраггратерн выдержал непродолжительную, но достаточно красноречивую паузу.

– Я бы на вашем месте очень постарался его найти.

Глава 3

«Странник»

Корабль назывался «Странник». Это был рейдер старого образца со снятым бортовым вооружением.

В космопорт Кийска привез полковник Масякин. Проехав через служебные ворота, машина вырулила на летное поле и остановилась возле опоры корабля ровно за четыре минуты до старта.

Приоткрыв дверцу, полковник сделал знак рукой высокому блондину в летной полевой форме с нашивками лейтенанта, стоявшему у трапа, и указал на Кийска. Лейтенант кивнул в ответ.

– Удачи, Иво, – тихо произнес полковник и протянул руку.

– Спасибо, – пожал руку полковнику Кийск. – Удача мне понадобится.

– Я верю, что тебе повезет.

Масякин захлопнул дверцу.

Машина, обогнув опору, быстро набрала скорость и понеслась к выезду с летного поля.

Кийск остался один.

Эйфория, вызванная внезапно обретенной свободой, длилась не больше секунды.

– Господин Костакис! – окликнул его лейтенант, уже поднявшийся по трапу.

Услышав свое новое имя, Кийск вернулся в реальность. Его свобода ограничивалась жесткими рамками поставленной перед ним задачи.

Подхватив сумку с личными вещами, Кийск легко и быстро, словно и не было долгих дней, проведенных взаперти, взбежал по трапу.

Следом за ним трап сложился и скрылся в проеме под шлюзом.

Едва Кийск переступил порог, как дверь захлопнулась и, протяжно заурчав, включился шлюзовой агрегат.

– Лейтенант Кейн Брас, – представился Кийску встретивший его у трапа блондин.

– Игорь Костакис.

Кийск протянул лейтенанту пластиковую карточку, удостоверяющую вымышленную личность, которую он получил от Масякина несколько минут назад.

Лейтенант на документы даже не взглянул.

– Ваша каюта номер четырнадцать, – сказал он. – В центральном коридоре по левому борту. К сожалению, проводить вас не могу, – до старта чуть больше минуты.

– Не беспокойтесь, лейтенант, я найду.

– Поторопитесь.

Лейтенант обогнул все еще стоящего у порога шлюзовой камеры Кийска и свернул в коридор, ведущий к командному отсеку.

Похоже, новому пассажиру на корабле вовсе не были рады. Что ж, вполне понятно, – он же эсбэшник, к тому же с секретным заданием.

По кораблю пронесся пронзительный звуковой сигнал минутной предстартовой готовности. Кийск спрятал поддельное удостоверение в карман, подхватил сумку и поспешил в каюту.

Он едва успел, бросив сумку на койку, забраться в стартовый кокон, когда прозвучала команда на старт. Приглушенно взревели двигатели, кокон плавно качнулся. «Странник» покинул Землю.

Когда корабль вышел на крейсерскую скорость и сила тяжести стабилизировалась на уровне 0,8 g, Кийск выбрался из кокона. Впереди было девять дней полета, которые нужно было чем-то заполнить.

Прежде всего Кийск сменил новый, с иголки парадный костюм на старые экспедиционные брюки и куртку темно-синего цвета. Когда он пожелал взять эту одежду с собой, Штрагратерн только усмехнулся, но возражать не стал.

Едва Кийск успел переодеться, как кто-то по-хозяйски, без стука распахнул дверь. На пороге стоял невысокий, чуть полноватый мужчина лет сорока, одетый в такой же костюм, что минуту назад скинул Кийск.

– Приветствую вас, господин Костакис, – тоном радушного хозяина произнес незваный гость и, не дожидаясь приглашения, вошел в каюту. – Я Станислав Серегин, инспектор по делам колоний. Мой корабль и моя команда к вашим услугам.

Свои услуги он, конечно же, предложить забыл.

Отстегнув сиденье складного кресла, Серегин опустился в него, широко расставив ноги, и устремил выжидающий взгляд на Кийска.

То, что единственное кресло в каюте является местом хозяина, было давним неписаным законом космофлота. Даже командир корабля, зайдя в чужую каюту, мог сесть на кресло только после того, как ему это предложат. Серегин либо ничего не знал об этом правиле, либо в весьма грубой форме демонстрировал Кийску, кто является хозяином на «Страннике».

Кийск решил пока не обращать внимания на откровенное оскорбление и присел на откидную койку.

– Я не первый год занимаюсь инспекцией, – сообщил Серегин. – Но впервые меня сопровождает сотрудник Совета безопасности.

– Я здесь вовсе не для того, чтобы сопровождать вас, – сухо заметил Кийск.

– Да-да, конечно, – кивнул пару раз инспектор. – Со своими обязанностями я и сам справлюсь. Вас, должно быть, интересует колония на РХ-183?

Кийск промолчал.

– Мне эти ребята тоже, честно говоря, не нравятся, – как ни в чем не бывало продолжил инспектор. – Будь на то моя воля, я бы вообще запретил все религиозные секты, растущие как поганки в солнечный день после дождя. Наконец-то и вы обратили на них внимание. Надеюсь, что совместными усилиями нам удастся прикрыть эту колонию на РХ-183.

– Они себя очень плохо ведут? – спросил Кийск.

– Ну, вам-то про них должно быть известно больше, чем мне.

– Учитывая ваш опыт, мне было бы интересно узнать ваше мнение.

– Что ж, – понимающе улыбнулся Серегин. – Готов поделиться имеющейся у меня информацией. Секта носит название «Новая церковь нового бога». Основана была на Марсе неким Бенджамином Кулом, который предпочитает называть себя Провозвестником. Лет пять назад Кул едва не загремел в тюрьму по обвинению в психотропном воздействии на людей. Отматываясь ему удалось благодаря своим знакомым, пользующимся определенным влиянием. Оказавшись на свободе, он поспешил спрятаться подальше и вместе со своей паствой перебрался на РХ-183. Полагают, что там он продолжает использовать своих прихожан в качестве подопытных кроликов, испытывая на них действие новых нелегальных мнемостимуляторов, позволяющих частично или полностью изменять память, превращая человека в новую личность. Скорее всего именно мнемостимуляторы являются источником реальных доходов Кула. Пожертвование адептов Новой церкви – всего лишь прикрытие.

– В чем суть проповедуемого Кулом учения?

– Думаю, он и сам толком не знает. Какая-то жуткая мешанина из раннего христианства, суфизма и примитивной мистики. Для любого вероучения главным является не содержание, а внешняя форма: обряды, таинства, посвящение и тому подобная дребедень. Как раз то, в чем Кул подлинный мастер.

Инспектор умолк, обвел взглядом каюту и снова посмотрел на собеседника.

– Ну а что вы можете сообщить мне о Куле? – спросил он как можно более непринужденно.

– Я? – удивился Кийск. – Ровным счетом ничего.

– Я полагал, мы договорились о сотрудничестве.

– Вовсе нет. У вас своя задача, у меня – своя. И между ними нет ничего общего.

Инспектор даже не попытался скрыть своего недовольства.

– Что ж, очень жаль, – он поднялся из кресла. – Мне хотелось надеяться, что мы найдем взаимопонимание. Но, если...

Не закончив фразы, Серегин с сожалением развел руками и направился к двери.

– Одну секунду, инспектор, – окликнул его Кийск, – я хотел бы задать вам еще один вопрос.

– Э, нет, господин Костакис, – сказал, оглянувшись через плечо, Серегин. – Вы предпочли четко разграничить наши полномочия, ну так и ищите сами ответы на свои вопросы.

Кийск понял, что по крайней мере одного недоброжелателя на корабле он себе обеспечил.

Глава 4

Десантники

Если с инспектором у Кийска отношения сразу же не сложились, то для подчиненных лейтенанта Браса он за время полета стал почти своим. Некоторая доля осторожности в общении с ним сохранялась у десантников только по той причине, что никто на корабле не знал, зачем с ними летит эсбэшник. Предположения высказывались разные, но ни одно из них так и не закрепилось в качестве общепризнанной версии.

Кийск же то и дело ловил себя на том, что, общаясь с десанниками, он почти произвольно пытался угадать, кто же из них отправился в полет по приказу Штраггратерна. Ребята были далеко не новички, но во взводе, сформированном всего за неделю до старта, только двое знали друг друга прежде.

Кийск почти сразу же отвел кандидатуру лейтенанта Браса, – командиру взвода и без того забот хватало. К тому же секретному агенту проще было затеряться среди рядового состава. Из оставшихся девяти кандидатов на роль агента можно было выбрать любого.

За дни полета Кийск в неутолимой жажде деятельности, компенсируя месяцы вынужденного безделья, облазил все помещения на корабле. Рейдер «Гремящий», на котором летал Кийск, принадлежал к той же серии, что и «Странник», и его устройство Иво знал как свои пять пальцев, – в Отряде галактической разведки каждый должен был уметь делать все.

Вскоре десантники перестали напрягаться и обрывать разговор при появлении Кийска. Его приняли. Кийск проводил время на командном посту, сверяя вместе с вахтенными курс корабля. Сикихаро Сато, считавшийся на корабле непревзойденным штурманом, приходил в восторг от умения Кийска читать карты с полувзгляда, словно все они были отпечатаны у него в голове и требовалось только вспомнить нужную страницу. Луи Лавалю Кийск помогал перебирать двигатели вездеходов. Вместе с Андреем Шагаловым и Чейном Мастерсом часами просиживал в арсенале, разбирая оружие и выверяя прицелы трассеров.

Но, пожалуй, больше всего времени Кийск проводил в небольшом тренировочном зале, возвращая силу и форму размякшей за время вынужденного безделья мускулатуре.

Триумфальным стал для Кийска день, когда в тренировочном зале, на глазах почти всего взвода, за исключением вахтенных, он сумел устоять в поединке против чернокожего великана Ино Кабонги.

Кийск и прежде с интересом наблюдал рукопашные поединки десантников, в которых существовало единственное правило: избегать членовредительства. В остальном допускались любые приемы и удары. Однако принять участие в схватке сам он не решался, сомневаясь в своей физической готовности. Однако, когда Кабонга наполовину в шутку спросил, не желает ли он попробовать, отказаться не смог. Отказ был бы расценен присутствовавшими как поражение.

Обнаженные по пояс Кийск и Кабонга вышли к центру зала. Черная, поблескивающая, как антрацит, кожа Кабонги, который только что перед этим уложил на пол Чейна Мастера, лоснилась от пота. Он был почти на голову выше Кийска, и тот отлично понимал, что в ближнем бою ему против Кабонги долго не выстоять. Кийск повел позиционную борьбу, что явно не вызвало одобрения у зрителей. Время от времени они обменивались дальними ударами, однако Кабонга постоянно пытался обострить схватку. Кийску удалось дважды уйти от опасных захватов Кабонги, но, пропустив пару сильных прямых ударов в грудь, от которых у него перехватило дыхание, Иво понял, что, затягивая поединок, он окончательно теряет какие-либо шансы на победу. Физически Кабонга был подготовлен гораздо лучше его и выглядел все таким же свежим, как и в начале схватки. Кийск же чувствовал, как в отвыкших от постоянных нагрузок мышцах скапливается сковывающая движения усталость.

Кийск постарался сконцентрировать все свои силы и волю для одного решительного броска. Сейчас он либо собьет с ног Кабонгу, либо сам окажется на полу. Кийск кинулся вперед, охнул, получив от Кабонги резкий прямой удар в солнечное сплетение, согнулся пополам, уходя от черной руки, пытающейся захватить его шею, и, сделав короткий шаг в сторону, ударил локтем по ребрам открытого левого бока противника. Кабонга едва заметно качнулся. Используя эту его почти неуловимую, секундную потерю равновесия, Кийск толкнул его плечом и одновременно ударил стопой сзади под коленку опорной ноги. С удивленным выражением лица Кабонга рухнул на спину. Кийск навалился на него сверху и прижал к полу, вдавив в горло согнутый локоть. Через мгновение Кийск, освободив соперника, поднялся на ноги и, помогая встать, протянул руку Кабонге.

– Поздравляю, – Кабонга потирал ушибленный бок, но на лице его сияла широкая белозубая улыбка. – Прямо скажу, не ожидал я от тебя такой прыти.

– Нельзя недооценивать противника, – звонко хлопнул Кабонгу ладонью по голому животу Сато.

Похоже, что не один Кабонга был удивлен неожиданными способностями эсбэшника. В столовой за обедом, когда сменившимся с вахты наперебой рассказывали об одержанной Кийском победе, а лейтенант Брас между прочим предложил Серегину тоже зайти как-нибудь в тренировочный зал, инспектор бросил на Иво весьма неодобрительный взгляд. По его мнению Кийск своим поведением подрывал авторитет государственных чиновников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.